

КИРЬЯНОВА ЛИЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

**ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО-ЛОКАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Томск – 2007

УДК 316.42

ББК С59 – Ф2(0)

К 43

Кириянова Л.Г.

Общество в контексте глобально-локальных отношений. – Томск:
Дельтаплан, 2007 – 136 с.

В монографии представлен анализ глобализационных процессов через призму отношения глобальное/локальное. В работе предпринята попытка показать диалектический характер этих отношений, взаимовлияние и взаимозависимость «локального» и «глобального», а не их взаимоисключение и противопоставление. Анализ базируется на двух основных концепциях – концепции детерриторизации и концепции глокализации.

Для специалистов в области глобалистики, студентов, аспирантов гуманитарных специальностей, а также для всех, интересующихся проблемами глобализации и развития современного общества.

ISBN 978-5-94154-124-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ГЛОБАЛЬНО-ЛОКАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА.....	10
1.1. Концептуализация глобализации в отечественном и зарубежном научном дискурсе	10
1.2. Пространственно-временная компрессия как основа глобализации	28
1.3. Процесс и механизмы формирования глобального пространства взаимодействия	58
2. «ГЛОБАЛЬНОЕ» VS «ЛОКАЛЬНОЕ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ	78
2.1. Риски монополии «глобального» и тенденции гомогенизации современного общества	78
2.2. Взаимовлияние и взаимозависимость «глобального» и «локального».	94
2.3. Стратегий поведения локальностей в условиях глобализации	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	133
ЛИТЕРАТУРА	137

ВВЕДЕНИЕ

«Глобализация» является одним из самых актуальных феноменов современного научного и общественного дискурса. По словам британского исследователя глобализации Д. Хэлда, она уже стала «клише» нашего времени, «масштабной идеей, которая охватывает все – от глобального финансового рынка до Интернета»¹.

При этом глобализация, действительно, является многоаспектным процессом, охватывающим все стороны функционирования современного общества. Глобализация рассматривается как расширение, интенсификация и углубление мировой взаимозависимости и взаимосвязанности, проявляющейся во всех аспектах современной жизни. Ряд крупных исследователей, в частности одни из наиболее авторитетных теоретиков глобализации Г. Тербон² и Д. Питерс³, в этой связи вообще говорят о нескольких глобализациях.

Активное и широкое изучение глобализационных процессов привело к тому, что сформировалась целая область междисциплинарных научных исследований, направленных на выявление сущности, причин и тенденций процессов глобализации, порождаемых ею глобальных проблем, поиск путей преодоления негативных и использования позитивных последствий этих процессов. Эта область получила название «глобалистика».

Несмотря на большой объем различного рода литературы по глобализации, не существует полной обоснованной и неоспоримой теории глобализации или даже системного анализа ее основных свойств. На это указывают многие исследователи глобализации, как отечественные (А. Чумаков, А. Уткин, А. Костин и др.) так и зарубежные (М. Уотерс, Р. Робертсон, А. Джонс, Г. Тербон, Д. Хэлд и др.). Известный немецкий

¹ Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 1

² Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. June 2000. Vol. 15 (2). – P. 151-179

³ Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 45-68

теоретик глобализации У. Бек справедливо заметил: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, затуманенным, политически эффективным словом...последних лет и останется таковым в ближайшее время».¹

В данной книге представлена попытка внести вклад в концептуализацию феномена глобализации и философско-методологические основания его исследования через анализ отношений «глобального» и «локального».

Дихотомия «глобальное/локальное» задает логическую структуру анализа глобализационных процессов и объяснения современных социальных изменений в рамках концепции глобализации. Диалектика «локального» и «глобального» является основой всех теорий глобализации вне зависимости от их контекстуальной принадлежности.

Несмотря на принципиальную значимость для развития глобалистики, отношения «глобального» и «локального» в условиях современного социума не стали до сих пор предметом отдельного анализа, особенно в рамках отечественных исследований.

Каждый из авторов трактует эти отношения по своему усмотрению, что иногда приводит к совершенно противоположному их пониманию – от замены на отношения «часть-целое» до рассмотрения «глобального» и «локального» как антонимов. По словам американского ученого Р. Робертсона, введшего и популяризовавшего в научном дискурсе понятие «глобализация», в отношениях «глобального» и «локального» «одни не видят никакой оппозиционности, другие рассматривают второе как реакцию на первое... тогда как для всех остальных они вообще несовместимы»². Такое расхождение в понимании отношений между «глобальным» и «локальным», сведение их к определенной однозначности ведет и к принципиальным разногласиям в понимании сути и логики развития современного общества в

¹ Бек. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. с. 40

² Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. London: Sage, 1995. – P.33

условиях глобализационных процессов. Однако глобально-локальные отношения, процессы развития общества в контексте этих отношений являются более сложными и неоднозначными.

Дихотомия «глобальное/локальное» фиксирует расхождение между традиционными и новыми пространственными характеристиками социальных процессов. Дискурс глобализации может рассматриваться как «опространствование» теории социальных изменений. Смена пространственных характеристик тесным образом связана с реорганизацией временных аспектов взаимодействия. Как утверждает Э. Джонс, «данный феномен [глобализация] может быть определен как трансформация природы нашего собственного и других людей восприятия пространства и времени»¹.

Очевидно, что в аспекте пространственно-временной трансформации отношения между «глобальным» и «локальным» не могут быть сведены ни к отношениям взаимоисключения, ни к отношениям «вызов-реакция».

В данной книге мы постараемся показать синергетический характер отношений между «глобальным» и «локальным», основанных на механизмах прямых и обратных связей; выявить неоднозначность и разнонаправленной процессов развития современного общества в контексте глобализационных изменений.

Необходимо отметить, что в отечественной науке достаточно мало работ по философским основаниям глобализации. Наиболее широко его разрабатывает А. Чумаков, редактор-составитель крупнейшего российского труда по глобализации – Энциклопедии «Глобалистика»². Философские проблемы глобализации также разрабатываются В. Мироновым, М. Чешковым, Д. Ивановым, И. Семененко, В. Толстых, Э. Азроянц, А. Федотовым, Н. Покровским, В. Кутыревым, А. Согомоновым. При этом существует достаточное количество крупных и серьезных работ в других областях глобалистики. Это работы, посвященные экономическим аспектам

¹ Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – P. 13

² Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.

глобализации (А. Уткин, Э. Кочетов, Н. Савельев, С. Долгов, В. Давыдов, В. Оболенский), политическим и геополитическим (А. Панарин, А. Зиновьев, И. Иноземцев, М. Делягин, К. Гаджиев, А. Богатуров, Л. Гринкевич, И. Горшкова, А. Галкин), глобальному моделированию и глобальным проблемам (Н. Моисеев, В. Данилов-Данильян, А. Федотов, В. Тураев, К. Лосев), культурологическому аспекту глобализации (Н. Моисеева, В. Иванов, М. Назаров, И. Василенко, О. Астафьева, Г. Аванесова, И. Мальковская).

В зарубежной науке (в частности, в американской и западноевропейской) проблемы глобализации, в целом, исследованы основательнее. Это же касается и теоретико-методологических исследований феномена глобализации в рамках социально-философских наук. Однако большинство авторов не уделяют отдельного внимания экспликации понятий «глобальное» и «локальное» (вне контекста анализа конкретных современных социальных процессов), а также их взаимодействию. В работах многих известных американских и западноевропейских ученых-теоретиков глобализации, представляющих трансформистское направление исследований этого феномена (Р. Робертсон, Э. Гидденс, А. Аппадурай, У. Бек, У. Ханнерц, М. Уотерс, Д. Томлинсон, Д. Хэлд, Г. Тербон, М. Фезерстоун, Д. Урри, Д. Фридман, А. Джонс, Дж. Питерс, А. Дирлик, Д. Ховес, У. Шуэркенс, П. Бергер, М. Кастельс и др.), находит отражение понимание «глобального» и «локального», но данные экспликации носят фрагментарный характер и не представляют собой целостной всесторонней картины взаимодействия «локального» и «глобального» и развития современного общества в контексте этого взаимодействия.

Исследование, представленное в данной книге основано на двух ключевых концепциях – концепции детерриторизации и концепции детерриторизации.

В качестве методологического основания для определения «локального» и «глобального» а также сути самой дихотомии, используется концепция современных пространственно-временных изменений, наиболее известной

как *концепция детерриторизации*. Основоположителем данного подхода к анализу современных социальных трансформаций является М. Маклюэн с его идеей о реорганизации пространства через время и возникновении структурного эффекта «имплозия». Наиболее полное и концептуальное развитие идеи Маклюэна получили в работах Э. Гидденса и Д. Харвея. В частности: «Последствия модернити» Э. Гидденса¹ и «Условия постмодернити» Д. Харвея². Идеи пространственно-временной трансформации встречаются еще у ряда крупных теоретиков глобализации, работы которых также используются в данном исследовании. В частности, идеи сужения пространства и генерализации времени – у М. Уотерса³; комплексная взаимосвязь – у Д. Томлинсона⁴; разрыв естественной связи между культурой и географическим пространством – у У. Ханнерца⁵.

Для анализа взаимоотношений между «глобальным» и «локальным», отражения этих взаимодействий в современной социальной практике используются концепции глокализации и гибридизации. *Концепция гибридизации* предполагает взаимообмен, адаптацию, трансформацию элементов различных культур в результате межкультурного взаимодействия и появление в результате этого новых синтетических культурных форм. *Концепция глокализации*, предложенная Роланом Робертсоном, утверждает двухуровневость глобализации, одновременность процессов глобализации и локализации, сочетание тенденций к гомогенности и гетерогенности. Концепция глокализации находится в тесной связи с концепцией пространственно-временных изменений, т.к. позволяет разрешить некоторые сложности при анализе взаимоотношений и соотносительности глобального как характеристики макропространства и локального как микро.

¹ См.: Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.

² См.: Harvey D. The conditions of postmodernity. – Cambridge, MA: Blackwell, 1990. – 378 p.

³ См.: Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – 185 p.

⁴ См.: Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p.

⁵ См.: Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – 201 p.

Предложенная Робертсоном концепция глокализации была развита Х. Кхондкером. Концепция глокализации связана с рядом схожих концепций-терминов: «индигинизация» (Д. Фридман)¹, «креолизация» (У. Ханнерц)², «vernacularization» («народиизация», А. Аппадурай)³, «гибридизация» (уже относительно современных глобализационных процессов, Дж. Питерс)⁴.

Итак, представленное в книге исследование, посвящено анализу отношений «глобального» и «локального» и тенденциям развития современного социума в контексте этих отношений. Оно в определенной степени позволит углубить философско-методологические основания исследования глобализационных процессов и внесет вклад в развитие категориального и понятийного аппарата социальной философии, а также глобалистики как области междисциплинарного знания.

Эта работа может быть использована в качестве философско-методологической базы дальнейшего исследования феномена глобализации, взаимоотношений «глобального» и «локального» в конкретных социальных сферах и практиках. Этому также способствует представленный в исследовании системный анализ российских и зарубежных концепций глобально-локальных отношений и пространственно-временной трансформации. Кроме того, данная книга может служить источником информации о концепциях многих авторитетных западных теоретиков глобализации, чьи работы не переведены на русский язык и неадекватно мало представлены в российской научной практике.

Книга также будет интересна студентам, аспирантам гуманитарных специальностей и всем, интересующимся проблемами глобализации и развития современного общества.

¹ См.: Friedman J. Global System, Globalization and Parameters of Modernity // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 69-90

² См.: Hannerz U. *Transnational connections. Culture, People, Places*. – London and New York: Routledge, 1996. – 201 p.

³ См.: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 230 p.

⁴ См.: Pieterse J. N. *Globalization as Hybridization* // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 45-68

1. ГЛОБАЛЬНО-ЛОКАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

1.1. Концептуализация глобализации в отечественном и зарубежном научном дискурсе

Ее [глобализацию] постоянно упоминают, но редко определяют; к ней постоянно апеллируют, но редко обосновывают; ее называют приметой нашего времени, но ведут ее историю чуть ли не со средневековья; ее считают стихийной, но постоянно стремятся поставить под контроль.¹
В. Иноземцев

Концепции глобализации появились в научном дискурсе в середине 1980-х гг., когда данное понятие стал разрабатывать и популяризировать ныне один из основных теоретиков данной концепции американский ученый Р. Робертсон. Однако ключевой концепцией в научном дискурсе глобализация стала лишь в середине 1990-х гг. Значительный толчок развитию дискурса глобализации дали две работы, опубликованные в 1990 г. и 1995 г., представляющие сборники статей ведущих ныне теоретиков глобализации И. Уоллерстайна, Р. Робертсона, М. Фезерстоуна, Дж. Фридмана, Т. Люка, С. Лэша, Э. Кинга, Г. Тербона, А. Аппадурай и др. Это книги «Глобальная культура» под редакцией М. Фезерстоуна² и «Глобальные современности» под редакцией М. Фезерстоуна, С. Лэша и Р. Робертсона³. С этого времени появилась целая серия монографий по глобализации Р. Робертсона, М. Уотерса, А. Аппадурай, У. Бека, Д. Хэлда, Д. Томлинсона, У. Ханнерца, Г. Тербона, А. Уткина, А. Чумакова, Э. Кочеткова, Э. Азроянц, А. Зиновьева, И. Васильченко и др., не считая огромного количества научных работ по отдельным аспектам и направлениям развития глобализационных процессов (в сфере финансового рынка, экономики, международных отношений, управления транснациональными корпорациями, культуры, миграционных процессов, экологии).

¹ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58

² Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by M. Featherstone. – London, 1990

³ Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995

Очевидно, что современные теории глобализации возникли на базе целого ряда научных традиций и исследований. *Основу современным теориям глобализации заложили, по нашему мнению, пять достаточно разных направлений исследований, развивающихся с середины 20 века.*

К *первому* такому направлению относятся исследования в области менеджмента, развивающиеся с 1960-х гг. В центре данных исследований феномен мультинациональных корпораций. Зародились они как руководства по повышению эффективности конкурентоспособности крупных американских мультинациональных компаний. Однако в 1970-х гг., когда американские корпорации стали значительно расширять географию своего функционирования, пытаясь увеличить рынки сбыта и переместить производство в регионы с более низкой стоимостью рабочей силы, данные исследования сформировали отдельное значительное направление в исследованиях по проблемам управления. Теоретики современного менеджмента в своих работах утверждают, что современные фирмы для повышения своей эффективности должны становиться глобальными относительно географии своего функционирования и распределения функций управления и производства, а не просто создавать отдельные филиалы в рамках различных национальных экономик. В настоящее время в научной литературе по менеджменту, практических журналах существует значительное число работ, в которых рассматриваются вопросы оптимизации производства и снижения затрат посредством размещения производства в разных странах, вопросы глобального расширения рынков сбыта, проблемы функционирования мультинациональных и транснациональных корпораций и т.д.

Ко *второму* направлению относится серия исследований в области социальных и культурологических теорий, которые также получили свое развитие в 1960-х годах. Данные работы сфокусированы на исследовании принципиальных изменений в характере коммуникации. Исследования проблем массовой коммуникации являются одними из наиболее релевантных

современным теориям глобализации. Основу данному направлению во многом заложили идеи представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе). Одним из центральных положений, отстаиваемых франкфуртцами, является положение о том, что система массового производства товаров, услуг и идей адекватна существующей системе капитализма в целом, с ее преданностью технологическому рационализму, калькулируемости и потреблению. По мнению Адорно и Хоркхаймера, массовое производство культурных форм предполагает унификацию индивидуальных особенностей, что, в свою очередь, связано с рассмотрением массовой аудитории как некоторой однородной массы. Эти идеи были развиты в целой серии значительных работ, акцентирующих внимание на исследовании влияния массовой коммуникации на трансформацию общества и социальных отношений, в частности на возникновении феномена массовости. Это работы Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Бэлла, Г. Лебона, Г. Тарда, О. Тоффлера, Д. Рисмена.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов исследователи из разных областей социального знания обратили более пристальное внимание на возросшую роль электронных средств массовой коммуникации и их принципиальное влияние на социальную трансформацию. Основу данному направлению заложили работы Маршала Маклюэна. Несмотря на то что его работы подверглись критике со стороны представителей позитивизма и аналитической социологии, его идеи, высказанные более 40 лет назад, когда еще даже не было Интернета и глобального телевидения, были настолько перспективными и яркими, что оказали сильное влияние на многие современные теории. В частности, теории пространственно-временной компрессии Э. Гидденса и Д. Харвея, которые мы более подробно будем рассматривать в другом параграфе, во многом связаны с идеями Маклюэна. Для Маклюэна детерминирующим элементом культуры является средство передачи сообщения, а не содержание этого сообщения. На этом основании возникает периодизация истории: трибализм с устной культурой, личным

общением и непосредственным социальным опытом, письменная культура индивидуализма и изолированности и современная эпоха электронных СМИ. Упреждая идеи Гидденса и Харвея, Маклюэн демонстрирует, как реорганизуется пространство через время¹. Электронные СМИ восстановили коллективную культуру трибализма, но расширили ее на глобальном уровне. Поскольку электронные средства коммуникации передают информацию немедленно, это стягивает события и локальности вместе и делает их тотально взаимозависимыми. Электричество создало глобальную коммуникационную сеть, которая аналогична центральной нервной системе человека. Это позволяет нам ощущать мир как единое целое. Ускоряющий эффект электронной коммуникации и современные транспортные системы привели к возникновению структурного эффекта, который Маклюэн назвал «имплозия» (implosion – уменьшение). Это означает, что человек может принимать участие, «ощущать» события, действия, которые территориально происходят далеко от него. «Время прекратилось, пространство исчезло...это новый мир глобальной деревни», – заключает Маклюэн². Как члены племенного сообщества ощущали свою взаимосвязь с другими членами племени, так и члены глобальной деревни не могут не осознавать человечества в его единстве. Однако глобальная деревня неравнозначна племенному сообществу. По мнению Маклюэна, электронные средства коммуникации низвергли время и пространство и вывели диалог на глобальный масштаб. Они уничтожили экономическую, политическую, географическую ограниченность и территориальность, а также изоляционизм. Недейственными стали старые гражданские, государственные и национальные группировки. Именно Маршала Маклюэна можно считать родоначальником анализа современных структурных изменений через призму изменения пространства и времени. После Маклюэна вопросы о месте электронных СМИ в культуре, об их отношениях с реальностью стали

¹ См.: Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

² Маклюэн М. Средство есть само содержание [Электронный ресурс]: Нижегородский университетский центр Интернет. – Нижний Новгород. – Режим доступа: <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/lib/maclu.ru.html>

темой публичного обсуждения, предметом непосредственного изучения многих авторов.

К *третьему* направлению относятся концепции, выросшие на основе различных масштабных энвайроменталистских движений, которые пропагандировали концепцию понимания Земли и ее ресурсов как сущность, имеющую свои пределы. Первая фотография Земли из космоса, а также фотографии планеты, сделанные с орбиты Луны, на которых она выглядит достаточно маленькой, дали сильный толчок идеям о том, что все человеческое сообщество существует совместно в непреодолимой близости друг от друга. Особенно влиятельной относительно разработки и популяризации данных идей стала деятельность Римского клуба во главе с Аурелио Печеи, в рамках которой появились такие значительные работы как «Человеческие качества» А. Печеи¹, «Мировая динамика» Дж. Форрестера², «Пределы роста» Д. Медоуза, породившие целую лавину исследований, получивших впоследствии название «глобальное моделирование».

К этому же направлению можно отнести и более ранние работы К. Циолковского, В. Вернадского, К. Ясперса, Э. Леруа и др. Своими работами и рассуждениями о «численности населения Земли», «ноосфере», «мировом правительстве», «космополитизме», «планетарных явлениях», «всеобщей всемирной истории» и т.п. они подготовили научное сознание к пониманию того, что человечеству как единому целому, неразрывно связанному с природой и космосом, неизбежно уготована общая судьба.

К *четвертому* направлению относится серия исследований, посвященных развитию международной экономики и политики после Второй мировой войны. В течение 1960-х годов и далее целый ряд теорий представлял парадигму «развитие как модернизация». Данные теории основываются на классических социальных, экономических и философских теориях К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. В рамках этой парадигмы

¹ Печеи А. Человеческие качества: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

² Форрестер Д. Мировая динамика. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Спб.: Terra Fantastica, 2003. – 379 с.

возникло деление на развитые и развивающиеся страны и постулат о необходимости развития стран Третьего мира через повсеместное внедрение и распространение там институтов модернизации. Одним из наиболее значимых последователей данных теорий был А. Франк. Именно из этих теорий появились современные теории глобализации, рассматривающие глобализацию как глобальное распространение институтов западного модерна, а следовательно, приравнивающие глобализацию к вестернизации. Это направление также заложило основу развития теорий мир-системы И. Уоллерстайна и его последователей. Теория мир-системы, хоть и появилась в 1970-х гг., но до сих пор остается очень влиятельной и активно используется в современных теориях глобализации, поэтому речь о ней пойдет ниже.

Пятое направление представлено исследованиями по анализу состояния современного общества с точки зрения влияния развития информационных технологий и изменения характера производства на структуру социальных отношений и систему ценностей. Это концепции постиндустриального общества, общества третьей волны, эпохи великого разрыва, разлома эпох, постмодерна и др. Наиболее заметные авторы данного направления – Д. Бэлл, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, А. Турен, Ж. Бодрийяр, Ж. Лиотар и др.

Мы рассмотрели исследования, которые заложили основу и оказали принципиальное влияние на современные теории глобализации. Теперь вернемся непосредственно к анализу современных теорий глобализации.

Как уже было сказано, глобализация – одна из самых актуальных и популярных проблем в современных исследованиях. При этом глобализация является многоаспектным процессом, охватывающим все грани функционирования современного общества. По этим причинам в настоящее время существует достаточно большой спектр различного рода работ по глобализации. Данная литература охватывает все аспекты развития глобализации – от исследований глобализации финансового рынка до глобальных экологических проблем. Так как в данной книге представлен социально-философский анализ развития современного общества в контексте

глобально-локальных изменений, то ниже мы проанализируем литературу, представляющую общеконцептуальные и социально-философские теории глобализации, а также теории, отражающие социально-культурные аспекты данного явления.

Глобализация рассматривается как расширение, интенсификация и углубление мировой взаимозависимости и взаимосвязанности, проявляющейся во всех аспектах современной жизни. Несмотря на такое общее понимание глобализации, существует значительное расхождение по концептуализации данного явления в понимании причин, структуры, последствий и логики развития глобализации. При анализе литературы мы воспользуемся классификацией, предложенной британским исследователем Дэвидом Хэлдом, автором одной из наиболее полных работ по анализу современного дискурса глобализации, и его соавторами¹, однако несколько изменим и расширим ее так, чтобы она позволила представить различные работы по глобализации именно с точки зрения использования и понимания отношений «глобального» и «локального». Очевидно, что данная классификация представляет лишь общую типологию достаточно разных подходов к глобализации. Она не представляет весь спектр отдельных отличающихся друг от друга позиций внутри каждого направления. Однако эта классификация позволяет нам выделить наиболее явные тренды в подходах к феномену глобализации.

Согласно Д. Хэлду, можно выделить **3 основных направления (школы) в концептуализации глобализации** – гиперглобалисты, скептики и трансформисты.

Один из основных *скептиков* дискурса глобализации И. Уоллерстайн полагает, что «этот дискурс является в действительности гигантской лжеинтерпретацией (misreading) современной реальности – обманом,

¹ Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 2-14

навязанным нам властными группами, и, даже хуже, обманом, который мы навязали сами себе, зачастую от отчаяния»¹.

Данное направление исследований в основном связано с работами в сфере экономики и международных отношений. Скептики, основываясь на различного рода количественных и качественных исследованиях объемов движения потоков товаров, инвестиций, мигрантов в 19 в., утверждают, что современный уровень взаимозависимости мировой экономики не является беспрецедентным в истории. Глобализация, по мнению представителей данного направления, является не более чем повышенным уровнем интернационализации. Утверждая, что глобализация – это не более чем миф, скептики говорят, что современный уровень экономической и политической интеграции значительно ниже, чем это было в 19 веке (эпоха классического Золотого стандарта и пика развития колониальной системы). Более того, современная ситуация не просто не представляет собой глубокую интеграцию экономики, а является ярко выраженной регионализацией. Современный мир очень четко разделен на несколько политико-экономических и «культурных» блоков, и это разделение продолжает усиливаться. С учетом того, что блоки достаточно четко локализованы географически, говорить о глобализации нет вообще никаких оснований. Наиболее последовательно эти идеи развивают такие известные западные ученые как, П. Хирст, Г. Томпсон, И. Уоллерстайн, Л. Вайс. Необходимо отметить, что достаточно большая часть представителей данного направления все же признает наличие феномена глобализации, но лишь как усиление мировой взаимозависимости; при этом принципиально указывается на продолжающееся разделение современного мира на региональные и цивилизационные блоки, а также нарастающее состояние конфликтности между ними.

Еще одним важным тезисом скептиков является утверждение, что современная мировая экономическая и политическая система очень

¹ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition // International Sociology. June 2000. – Vol. 15 (2). – P. 250

иерархична. На фоне растущей экономики Севера происходит еще большее исключение всех остальных стран мира. В современной политике и экономике существуют очевидные доминирующие игроки. В российской науке наиболее заметными работами в этой сфере являются работы А. Панарина и В. Иноземцева, в которых авторы очень жестко и последовательно утверждают, что современные мировые экономические, политические, информационные, социокультурные отношения асимметричны и неравномерны, что такая ситуация очень опасна для мира и, в частности, представляет угрозу для России. «Опасность» как ключевая характеристика современной международной ситуации присутствует и у других российских ученых (Ю. Ершова, В. Целищев, Н. Моисеева).

Огромное влияние на формирование исследований этого направления оказала теория мир-системного анализа И. Уоллерстайна¹, которая до сих пор в несколько скорректированном и переосмысленном виде остается одной из самых популярных при анализе системы современных международных отношений. Основу современной мировой системы, согласно данной теории, составляет мировая капиталистическая экономика. В рамках мир-экономики выделяются группы обществ, образующих центр, периферию и полупериферию системы. Группируются они не по географической близости, а по характеру связей. Внутри центра капиталистической мир-экономики устанавливаются отношения кооперации и конкуренции. Между центром и периферией – отношения эксплуатации и зависимости. Полупериферия, как явствует из названия, находится с центром и периферией в отношениях смешанного типа. В теории Уоллерстайна общественные изменения рассматриваются преимущественно как процессы на супранациональном уровне (возникновение сети интернациональных связей), на уровне национальном изменения не носят радикального характера (постоянство национально-государственной определенности социальной организации

¹ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. June 2000. – Vol. 15(2). – P. 249-265

единиц в системе), на субнациональном уровне (процессы внутри единиц) процессы вообще не рассматриваются как системные изменения.

Теория мир-системы наиболее полно была развита в работах Л. Склэр¹. При этом Склэр заменяет мир-систему на понятие глобальной системы, а термину «интернационализация» предпочитает термин «глобализация». Не отказываясь от концепции центра, периферии и полупериферии, Склэр считает, что современная глобальная система существует на трех уровнях: экономическом, политическом и идеолого-культурном. Каждый из уровней представлен ключевыми институтами: транснациональными корпорациями (на экономическом уровне), транснациональным классом капиталистов (на политическом уровне) и консюмеризмом (на уровне идеологии и культуры).

Продолжая характеристику теорий скептиков, отметим, что мифом, как демонстрируют скептики, является и идея о глобальных транснациональных корпорациях, т.к. основной поток инвестиций и торговли концентрируется в наиболее развитых странах, а сами ТНК в большей степени представляют интересы стран, из которых они произошли.

Несмотря на то что это направление в основном представлено работами в сфере экономики, достаточно большое внимание уделяется и культурным аспектам современного развития мировой системы. Наряду с оспариванием идеи глобальной экономики, ученые данного направления ставят под серьезное сомнение существование глобальной культуры и глобальной цивилизации. Наиболее значимыми известными в этом отношении являются работы С. Хантингтона, особенно его труд «Столкновение цивилизаций»². Хантингтон утверждает, что современный мир разделен на ярко выраженные цивилизационные блоки, культурные и этнические анклавы. Характер взаимодействия этих цивилизационных блоков Хантингтон определяет как конфликт, поскольку принципиальные различия между цивилизациями не способствуют компромиссу. В современном мире не только не происходит

¹ См.: Sklair Leslie. Sociology of the global system. – New York:Harvester Wheatsheaf, 1991. – 269 p.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

интеграция, а, наоборот, заметно усиливаются национализм и культурный и идеологический фундаментализм.

Говоря об иллюзорности глобального правительства, глобальной экономики и глобальной культуры, практически все представители данного направления единодушно сходятся в том, что это проект западных стран (в большей степени США), которые стремятся таким образом распространить свое влияние на весь мир. При этом такое доминирующее положение в мире западной капиталистической экономики и культуры, основанной на консюмеризме, еще больше стимулирует развитие фундаментализма и национализма как защитной реакции. Одной из наиболее заметных работ, развивающих эту мысль, является книга Б. Барбера, название которой само по себе уже используется как емкая характеристика современных международных и межкультурных отношений – «Джихад против Мак-мира»¹. Барбер утверждает, что современный мир представлен двумя основными силами. Первая – стягивание наций в единую унифицированную коммерциализированную глобальную сеть, «единый Мак-мир». Вторая – «ретрибализация» человечества, «лебонизация» (Lebanonization в терминах Барбера, отсылка к политике Ливана) национальных государств, «Джихад» против всех видов взаимозависимости. «Джихад» как невероятный рост национализма и фундаментализма направлен против четырех основных императивов, формирующих Мак-мир – рыночного, ресурсного, информационно-технологического и экологического. При этом у Барбера достаточно четко просматривается признание ведущей роли в становлении Мак-мира за странами Запада (в частности США), а за Джихадом стоят страны периферии и полупериферии.

При анализе глобализационных процессов именно скептики склонны отождествлять глобализацию с модернизацией. Глобализация рассматривается как распространение западных институтов модернизации, основу которых составляют капитализм и демократия.

¹ Barber B. Jihad vs. McWorld. – N.Y.: Ballantine Books, 1996. – 389 p.

Таким образом, можно сказать, что скептики в той или иной степени отрицают факт существования глобализации и «глобального». Современные мировые отношения (политические, экономические, идеологические, информационные, социокультурные и др.) они рассматривают сквозь призму дихотомии «национальное/интернациональное» («интернациональное/региональное»), а не «локальное/глобальное». Значение национальных границ в современном мире, по их мнению, не только остается очень важным, но и продолжает усиливаться. Современный мир – это не мир открытых локальностей, а все более усиливающиеся тенденции национализма и регионализма.

В противовес скептикам, для *гиперглобалистов* глобализация представляет новую эпоху в истории человечества, в которой «традиционное национальное государство является неестественным, даже невозможным коммерческим образованием в глобальной экономике»¹. В данном подходе, как и подходе скептиков, на первый план анализа выходит экономика. Гиперглобалисты констатируют становление единого глобального рынка, утверждая, что глобализация несет «денационализацию» мировой экономики через становление и развитие транснациональных производственных, торговых и финансовых сетей (П. Дикен, В. Грайдер, А. Джонс, К. Омае). В эпоху мира без национальных границ национальные государства являются не более, чем простым передаточным механизмом в организации глобальных потоков капиталов и товаров. Национальное государство зажато между сильными локальными и глобальными механизмами управления. По мнению гиперглобалистов, национальное государство как форма организации мировой политической, экономической и культурной жизни постепенно исчезнет вообще (Г. Белов, В. Галецкий, А. Мовсесян, Ю. Павлов, С. Огневцев).

¹ Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 3

Внутри направления гиперглобалистов можно достаточно четко выделить две группы. Одни ученые следуют логике неолиберализма и приветствуют триумф индивидуальности и рыночных механизмов над властью и гегемонией государства (Т. Коуэн). Другая группа более негативна в восприятии мирового рынка и, следуя традициям марксизма, утверждает, что это все более гнетущее распространение мирового капитализма (С. Латош). Однако несмотря на такие идеологические противоречия, гиперглобалисты сходятся в том, что глобализация – это в большей степени экономическое явление и что современная мировая экономика является высокоинтегрированной.

Гиперглобалисты утверждают, что экономическая глобализация порождает новую систему победителей и проигравших. При этом старая система центра-периферии, Севера-Юга, Запада-Востока больше не действует. Современная система более сложная и комплексная. Так как национальное государство в принципе перестает быть основным организующим элементом мировой политики и экономики, то при делении на победителей и проигравших уместнее говорить о социальных группах и классах. Очевидно, что в выигрыше оказывается транснациональный класс менеджеров, специалистов по финансам и информационным технологиям и т.д.

На смену национальному государству не только приходит глобальный рынок, но и национальная культура постепенно замещается всемирно распространяющейся идеологией консюмеризма, которая формирует новую идентичность, универсальные ценности и стили жизни. Глобальное распространение ценностей и институтов либеральной демократии также усиливает формирование единой глобальной цивилизации. Эта «глобальная цивилизация», «глобальное сообщество» обретает свои формы глобального управления, представленного различного рода транснациональными организациями типа Мирового банка, Всемирного валютного фонда, Совета Безопасности ООН и т.д.

Одной из наиболее ярких и известных работ по проблемам консюмеризма и формированию глобального гомогенного общества является работа французского ученого Сержа Латоша «Вестернизация мира»¹. В данной работе Латош очень емко описывает процессы формирования единой гомогенной глобальной культуры на основе распространения западных институтов и ценностей. Вестернизация в данном случае выступает как тотальная сила, которой локальности противостоять не могут.

В условиях формирования глобального сообщества институты уровня национального государства уже не в состоянии контролировать и координировать те процессы, которые происходят на их территории, так как эти процессы в силу высокой степени интеграции мировой экономики зависят от процессов в других территориях. Национальная экономика, национальная культура размываются глобальными потоками товаров, людей, капиталов и информации. Это еще более усиливает роль институтов глобального управления.

Постоянное транснациональное взаимодействие людей посредством глобальной коммуникационной инфраструктуры приводит к повышению осознания общих интересов и проблем, что в свою очередь ведет к формированию глобального гражданского общества и глобального сознания (Х. Булл, Дж. Розенау, Д. Хервье-Легер, М. Чешков, В. Мантатов, И. Левин).

Анализ взглядов гиперглобалистов свидетельствует о том, что они рассматривают современный мир как единый глобальный рынок, глобальную цивилизацию и глобальное гражданское общество. В рамках этого глобального сообщества нет места локальным границам, а одно из наиболее ярких проявления локального – национальное государство и национальная культура – вообще постепенно исчезает. «Глобальное» является доминирующим в современном мире, подчиняя своей логике «локальное».

¹ Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 140 p.

Локальные экономики и культуры растворяются в рамках глобальной цивилизации и глобального рынка.

Трансформисты, как и гиперглобалисты, признают глобализацию ключевым феноменом современного мира, лежащим в основе ведущих радикальных трансформаций во всех сферах развития современного общества – экономике, политике, культуре, управлении и др. Однако, в отличие от скептиков и гиперглобалистов, которые в основу логики развития глобализационных процессов ставят экономику, трансформисты придают огромное значение культуре. Некоторые из ключевых теоретиков этого направления даже выделяют культуру в качестве ведущего аспекта глобализации (М. Уотерс, П. Бергер, Р. Робертсон, Д. Томлинсон).

В отличие от гиперглобалистов, трансформисты не формируют какую-то единую логику развития глобализационных процессов, ведущих к становлению единого глобального рынка или глобальной цивилизации. Они доказывают, что глобализация – противоречивый и неоднозначный процесс. При этом данный процесс является долгосрочным и на его развитие оказывает влияние достаточно большая группа очень противоречивых факторов. Многие из трансформистов сходятся в том, что глобализация, несмотря на свой беспрецедентный характер, имеет давние исторические корни и тенденции становления. И даже уже в ходе развития этих тенденций глобализация представлялась очень противоречивым и непредсказуемым по последствиям процессом (Р. Робертсон, Г. Тербон, А. Чумаков, А. Уткин, Д. Иванов, В. Иванов, М. Мнакацян).

Констатируя беспрецедентный характер глобальных потоков товаров, финансов, имиджей, мигрантов, туристов, информации, которые кардинальным образом трансформируют современное общество, трансформисты рассматривают современный мир как глобальную систему. При этом, в отличие от идей гиперглобалистов, эта глобальная система не представляет собой глобальное гражданское общество или единый глобальный рынок без всякого рода границ внутри. Внутри этой глобальной

системы существует достаточно сильное разделение. Традиционное деление на центр и периферию, север и юг, первый и третий мир уже является не географическим и геополитическим, а социальным. Глобализация трансформирует традиционные паттерны включения и исключения между странами и формирует новую иерархию, которая уже совершенно не связана с какой-то географической территорией, а пронизывает все сообщества и регионы мира. Восток и Запад, первый и третий мир не существуют «где-то там», они сосуществуют вместе в рамках всех крупных городов мира. Феномен современного крупного города как среза глобализационных процессов находится в фокусе рассмотрения многих ученых данного направления (У. Ханнерц, Д. Хэлд, Р. Робертсон, Д. Томлинсон, М. Алброу, У. Бек, Э. Кинг) и является для них одним из основных примеров глокализации, гибридизации и детерриторизации.

Вышеописанный подход к феномену современной мировой стратификации базируется на двух принципиальных теориях. Это теории детерриторизации и глокализации.

Концепция детерриторизации выражена в идее принципиальной трансформации отношений между местом, где мы физически живем, и нашими культурными, социальными практиками, опытом и идентичностью. Элементы и идеи концепции детерриторизации в той или иной степени присутствуют в работах практически всех авторов данного направления, так как детерриторизация является ключевым аспектом трансформации локального (локальной культуры, государства-нации – всех аспектов и уровней локального) в условиях глобализации. Идеи современных авторов о детерриторизации во многом вышли из идей М. Маклюэна, в частности из его концепции нивелировки пространства и времени посредством электронных средств коммуникации, выраженных в идеях «имплозии» и «глобальной деревни». Однако наиболее последовательно эти идеи представлены в работах Э. Гидденса и Д. Харвея. Идеи о пространственно-

временной компрессии в работах трансформистов позволяют назвать глобализацию «опространствованием» теорий социальных изменений.

Термины «глокальный» и «глокализация» появились в маркетинге и основывались на японском понятии *dochakuka*, изначально обозначавшем адаптацию какой-либо фермерской технологии к местным условиям. Термины «глокальный» и «глокализация» в маркетинге означали продажу и рекламирование товаров в глобальном масштабе, но через конкретные локальные рынки, адаптацию глобального товара под каждый конкретный рынок. За этим стояло вполне конкретное осознание того, что локальное и разнообразное продается лучше¹. В социальные науки термин «глокализация» вошел, получил распространение и осмысление благодаря одному из ключевых теоретиков глобализации американско-британскому ученому Р. Робертсону.

Однако сегодня идеи этой концепции гармонично присутствуют в работах практически всех трансформистов. Вслед за Робертсоном особенно активно идеи концепции глокализации разрабатываются Х. Кнодкером, Д. Томлинсоном, А. Аппадурай, У. Ханнерцом. Термин «глокализация» призван продемонстрировать двухуровневость глобализации, одновременность процессов глобализации и локализации. Теория глокализации во многом основывается на более широкой теории гибридизации, разработанной еще в середине 20 века и призванной охарактеризовать культурные феномены колониального и постколониального мира, демонстрирующего формирование и существование культурных форм, основанных на синтезе двух и более культур.

Другой ключевой идеей трансформистов является констатация растущей роли национального государства (Д. Фридман, М. Феазерстоун, Т. Люк, М. Мнакацян, И. Василенко). В противовес гиперглобалистам, трансформисты утверждают, что под действием глобализационных

¹Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 28-29

процессов «срабатывают» определенные механизмы самозащиты, которые вызывают интенсификацию и возрождение национальной идентичности. Государства вынуждены разрабатывать стратегии поведения в условиях глобализации, реагировать на вызовы глобализации, что еще больше усиливает их роль (П. Бергер, У. Шуркенс). Исследования поведения различных государств как носителей национальных культур в условиях глобализации являются распространенными в рамках данного направления (сборники исследований по ряду стран под редакцией П. Бергера¹, У. Шуркенса², К. Уилсона³, работы К. Митчелл, К. Келски, М. Йошимото).

Трансформисты демонстрируют, что в условиях глобализации происходит очень заметная трансформация сути классического государства-нации (Т. Люк, Д. Хэлд, Э. Гидденс, М. Мнакацян, И. Василенко). Суть трансформации заключается в изменении характера связей между суверенностью, территориальностью и государственной властью⁴. Несомненно, государство все еще имеет доминирующую власть над теми процессами, которые происходят на его территории, однако значительное влияние в условиях глобальной взаимозависимости оказывают различного рода транснациональные процессы, а также процессы, инициированные и происходящие за пределами данного конкретного государства и ему неподконтрольные. Такая трансформация государства-нации полностью соответствует логике детерриторизации и глокализации.

Исследование основных идей данного направления позволяет отметить, что трансформисты рассматривают глобализацию как ключевой феномен современного мира, под воздействием которого происходит трансформация всех аспектов функционирования общества. Глобализация при этом является очень противоречивым и неоднозначным процессом. Она сочетает в себе

¹ Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

² Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004.

³ Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996

⁴ Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 8

тенденции глобализации и локализации, унификации и стимулирования развития разнообразия.

Проведенный анализ концепций показывает значительное расхождение в понимании сути, структуры и логики современных глобализационных процессов – от отрицания глобализации до ее абсолютизации. Это подтверждает приведенную нами идею Р. Робертсона о неопределенности в понимании соотношений «глобального» и «локального». Однако это же расхождение, а также большой междисциплинарный спектр исследований позволяют нам сделать предположение о неоднозначности и противоречивости самих отношений «глобального и «локального».

Анализ исследований глобализации относительно экспликации в них дихотомии «глобальное/локальное» предоставляет нам положения для дальнейшей проверки, а также идеи и инструменты для самостоятельного построения более целостной концепции отношений «глобального» и «локального».

Для того чтобы более полно понять суть глобально-локальных отношений, необходимо проанализировать причины и условия формирования самого феномена глобальности, а также дать характеристику современного контекста развития взаимодействия «глобального» и «локального».

1.2. Пространственно-временная компрессия как основа глобализации

Теперь больше не будет «там». Все будет «здесь».

Реклама MCI Telecommunication¹

Отношение «глобальное/локальное» является новой для научного дискурса. Новая она не только относительно времени появления в научном дискурсе и рефлексии по ее поводу, а также и потому, что ранее в социальной действительности просто не существовали те процессы и

¹ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 124

явления, для характеристики которых предназначена дихотомия «глобальное/локальное». Изначально обозначим, что данная дихотомия предназначена для типологизации пространственной организации и структуры современных социальных взаимоотношений и взаимосвязей¹, поэтому процесс формирования феномена глобальности мы рассмотрим с точки зрения современной пространственно-временной трансформации.

Появление дихотомии «глобальное/локальное» связано с кардинальными трансформациями, оформившимися не более 30-40 лет назад. Во-первых, с кардинальной трансформацией восприятия пространства и времени. Во-вторых, с вызванной этим трансформацией взаимоотношений между людьми, местом, где они физически живут, и их социальными и культурными практиками.

Прежде чем рассматривать суть трансформации пространственно-временных отношений, определимся с общими понятиями пространства и времени и традиционной концепцией взаимодействия и соотношения физического, географического и социального пространства.

Пространство и время – базовые философские категории, посредством которых обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их со-бытие, сосуществование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования². Пространство и время являются фундаментальными элементами любой картины мира, служат основой не только процесса постижения человеком мира, но и осознания им самого себя. Из этого очевидно, что кардинальная трансформация в восприятии человеком пространства и времени приводит и к кардинальной трансформации всего социума и социальных отношений.

¹Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]: Сайт Факультета социологии СПбГУ. – Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml

²Новейший философский словарь: 2-е издание перераб. и допол. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – С. 804

Понятие «пространство» – одно из самых сложных в современной науке. Эволюция взглядов на пространство насыщена вариантами интерпретаций и дискуссиями (В. Вернадский, Ф. Бродель, Р. Аронов, Н. Трубников, П. Сорокин, П. Бурдьё, П. Штомпка, П. Бергер, М. Кастельс, В. Ильин, А. Кравченко, А. Филиппов, В. Потемкин, А. Симанов, А. Бикбов). Однако можно выделить общие наиболее распространенные определения пространства.

Различные виды связей и различные структуры пространств позволяют выделить основные виды пространства. Физические связи элементов материальных структур образуют физическое пространство, географические – географическое, общественные связи составляют сущность социальной формы пространства.

Физическое пространство – это система отношений между материальными объектами, позволяющая определить их место и позицию относительно друг друга. «Все, каждая вещь существует в физическом пространстве, вплоть до мельчайшей монады: со времен изобретения микроскопа даже булавочная головка имеет свое положение в пространстве», – пишет британский географ, исследователь проблем пространствизации Н. Фрифт¹.

Географическое пространство – это система отношений материальных объектов, позволяющая определить их место и расположение относительно территории земной поверхности. Это территория, имеющая определенные границы. В зависимости от границ географическое пространство имеет различный масштаб, максимальный из которых – географическое пространство территории всей Земли. При этом природное географическое пространство безразлично к границам. Горы, реки, леса и т.д. не содержат в себе естественной сущности границы, они отражают лишь неоднородность пространственной напряженности, которая может использоваться как

¹ Thrift N. Space // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications, 2005. – P. 140

граница. Пространственные границы – это социальные деления, которые принимают форму физических¹.

Под социальным пространством понимают такое пространство, которое формируется социальными процессами и взаимодействиями и в котором эти процессы и взаимодействия реализуются. В связи с существованием различных видов социальных процессов и взаимодействий выделяются несколько видов социального пространства. К сформировавшимся социальным пространствам следует отнести: политическое, правовое, военное, экономическое, технологическое, этническое, религиозное, информационное, культурное, образовательное. Уточним, что в данной работе мы будем рассматривать социальное пространство вне специфики отдельных его типов.

Существует достаточно четкая связь между физико-географическим и социальным пространством. Географическое пространство – это прежде всего территория, имеющая определенные границы. Но географическое пространство не может быть таковым вне деятельности людей, без создания на данной территории системы общественных отношений. До вступления во взаимосвязь с человеком географическое пространство является лишь ландшафтной средой, которая по мере вовлечения в структуру оформляется в географическое пространство.

В свою очередь, одним из главных вопросов функционирования общества является территория, им занимаемая. По мнению П. Бурдьё, принципиально важным является тот факт, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством (с полями). Как тела и биологические индивиды, человеческие существа помещаются, так же как и предметы, в определенном пространстве и занимают одно место. Они не обладают

¹ Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки [Электронный ресурс]: Отечественные записки. – Электрон. журн. – 2002. – № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289>

физической способностью вездесущности, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах. Место может быть определено абсолютно, как то, где находится агент или предмет, как «локализация», или как позиция, как ранг в порядке¹. Социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью, например, искоренения или депортации некоторых нежелательных людей. Социальные процессы существуют в физическом и географическом пространствах.

Для нашей работы также важно отметить, что выделяются реальное, концептуальное (научные теории осмысления пространства) и перцептуальное пространство.

Культура непосредственно связана с отношением человека ко времени: смерти и конечности человеческого существования, изменениям, быстротечности, эфемерности, случайности, ритмичности физического и социального существования. Время дает нам возможность идентифицировать, считать, наименовать, нумеровать, измерять процессы изменений и цикличность явлений². В истории философии было принято различать «объективное» время, абсолютное и автономное от человека и других объектов, могущее фиксироваться соразмерно процессам в микромире, и «субъективное», связанное с его осознанием людьми. Исследования в современной физике, а также исследования А. Эйнштейна, П. Лунда, К. Лейбница и последовавшие изменения в философии отвергают идею объективного и абсолютного времени. Время всегда субъективно и относительно. Так же как и пространство, в зависимости от артикуляции время бывает концептуальным и перцептуальным. Примером концептуального времени является современная система летоисчисления и система деления времени на часы, секунды и т.д. Перцептуальным временем

¹ См.: Бурдые П. Социология политики. – М.: Социо-Логос, 1993. – 336 с.

² Adam B. Time // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications, 2005. – P. 120

являются наше понимание и ощущение «быстро», «долго», «медленно», «мгновенно» и др.

Время и пространство не являются отдельными и независимыми друг от друга. Они не просто находятся в тесной взаимосвязи, каждая из них является лишь одной из координат многомерного пространственно-временного континуума. Предмет, явление, процесс всегда существуют в определенном пространстве и времени. Пространство и время находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Для нас принципиально важным является то, что одним из основных способов субъективного измерения и ощущения пространства для человека является время, которое тратится на коммуникацию с людьми и локальностями, находящимися на расстоянии¹.

Перейдем к рассмотрению **современной кардинальной трансформации пространственно-временных отношений.**

До современного периода, во времена преמודерна, повседневная практика людей, их культурный опыт были полностью связаны с конкретным относительно небольшим географическим пространством, территорией – квартал, деревня, город. Люди не только физически действовали в рамках данной ограниченной территории, их культурный и социальный опыт также ограничивался только одной конкретной территорией. Общение в основном носило неопосредованный межличностный характер. Культурное взаимодействие между отдельными локальностями также было значительно ограничено, в основном по причине географических факторов. Уровень развития транспортной и медиа-систем сильно ограничивал возможности населения в расширении территориальных границ своих социальных и культурных практик и опыта². Однако значительную роль играло и определенное сопротивление взаимодействию с «другими».

¹ Thrift N. Space // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications. – P. 142

² См.: Tomlinson J. Globalization and Culture. Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p; Global/local: cultural production and the transnational imaginary. Durham, N.C.: Duke University Press, 1996.

Во времена премодерна пространство рассматривалось в рамках относительно автономного сообщества, которое включало в себя четкую систему экономических, политических и религиозных прав и обязанностей. Социальное пространство практически полностью совпадало с границами конкретного географического пространства.

Организация и измерение времени были определены ритмами жизни данного сообщества и, соответственно, жестко связаны с конкретным местом жизнедеятельности данного сообщества. Было практически невозможно указать время без референции к контексту жизнедеятельности конкретной локальности (после обеда, когда вернется стадо с пастбища и др.) или к природным маркерам времени, которые также отличны в разных географических точках (до восхода Солнца, после заката и т.д.).

В тех же частях мира, где наблюдались межкультурные интеракции, они основывались на дальних и очень продолжительных путешествиях товаров, путешественников и исследователей всех видов. Относительно интенсивное и длительное культурное взаимодействие в то время в основном обеспечивалось двумя силами – войной и религиозными движениями, которые иногда в качестве инструмента распространения религии использовали ту же войну.¹ Очевидно, что интерлокальное взаимодействие осуществлялось и в те времена благодаря торговцам, пилигримам и воинам. Однако очевиден и тот факт, что это взаимодействие между разделенными физико-географическим пространством локальностями требовало очень значительных затрат – временных, физических и материальных. К тому же в таком взаимодействии принимало участие очень ограниченное число людей.

Жизнь данных локальных образований – деревень, городов и даже стран носила относительно закрытый характер, степень влияния на них других территорий была минимальна, а если и была, то носила эпизодический характер. Пространство за рамками данного сообщества было для его членов

¹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 27

неопределенным, практически не существовало, то же самое касается и времени.

Как мы уже упомянули, социальное пространство (его границы) совпадало с географическим пространством, на котором находились люди и общества, это социальное пространство формирующие (посредством своих взаимодействий).

В 15-16 вв. ситуация в некоторой степени стала меняться. Локализованные концепции пространства претерпели изменения, когда европейские путешественники и мореплаватели обнаружили ограниченность пространства Земли, появились относительно четкие контурные карты территории Земли. Улучшение системы мореплавания, помноженное на развитие климатических и географических знаний, привело к возможности путешествовать на далекие расстояния, эксплуатировать другие территории. Это первое преодоление пространственных ограничений привело к значительному росту движения денег, торговли, завоеваний, миграции, что в свою очередь послужило основой для становления и развития определенных межкультурных и транслокальных отношений. Совершенствование транспортных и коммуникационных систем способствовало становлению системы колониализма, обеспечив мощным перманентный поток людей, идей, товаров между метрополиями и колониями. Колониальная система в значительной степени преодолела автономность локальностей – в существование ранее автономных и самодостаточных социально-культурных образований стали вмешиваться внешние силы.

Изменения затронули и существовавшую ранее локализованную концепцию времени. Широкое распространение механических часов (что датируется примерно 18 веком) изменило восприятие времени и представило его как линейный и универсальный процесс. Механические часы сделали время абстрактным, освободили его измерение от локального контекста. Механическое измерение времени возможно везде, в любое время и в любом месте. Локальный контекст больше не имеет значения. Повсеместное

использование механических часов вообще имело далеко идущие последствия для глобализационных процессов. Координация и универсализация времени (особенно принятие отсчета времени по Гринвичу как мирового стандарта) привели к повышению мобильности и, как следствие, расширению культурных горизонтов. Так, именно универсализация измерения времени в разных географических территориях (локальностях) во многом способствовала развитию железнодорожного сообщения, в основу которого положено жесткое расписание¹. Механические часы в определенной степени являются источником современной глобализированной взаимозависимости².

Однако мир все еще представлял собой совокупность достаточно локализованных во времени и пространстве явлений, процессов и практик. Повседневные социальные практики людей, их культурный опыт были жестко связаны с местом их проживания. Социальное пространство по-прежнему практически полностью совпадало с границами пространства географического.

С наступлением так называемого «печатного капитализма» («Галактики Гуттенберга») в мире появилась новая сила – сила массовой печати и сопровождающая ее возможность создания эффекта социально-культурной близости и идентичности вне рамок непосредственного межличностного общения. Согласно известной теории Маршала Маклюэна, детерминирующим элементом культуры является средство передачи сообщения, а не содержание этого сообщения. Изменение формы коммуникации, появление нового канала передачи сообщения меняют всю структуру коммуникации – содержание сообщения, отправителя и получателя. «Использование любого средства коммуникации... меняет ... формы (patterns) взаимозависимости между людьми»³. Именно поэтому

¹ Tomlinson J. *Globalization and Culture*. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 50

² Adam B. *Time // Theory, Culture and Society*. – London: Sage publications, 2005. – P. 119

³ Маклюэн М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека* / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – С. 102

изменение характера коммуникации, переход от личного общения и устной культуры к массовой печатной коммуникации изменили характер социального взаимодействия. Реорганизация времени начинает вызывать реорганизацию пространства. «С повышением скорости движения информации вследствие внедрения бумажных сообщений и дорожного транспорта происходит изменение в социальных группировках и образование новых сообществ».¹ Изменение в характере коммуникации уже в 19 в. обусловило появление новых, географически более масштабных, социальных пространств, а также предоставило дополнительные возможности в политическом контроле отдаленных территорий. Способность печатных СМИ, транспортного сообщения ускорять коммуникацию позволила соединять дистанцированные локальности, дала возможность центру более эффективно контролировать географически удаленные территории.

Но «печатный капитализм» и предоставленные им возможности дистанцированного общения и формирования культурной близости между разделенными в пространстве людьми были лишь предвестниками тех колоссальных трансформаций, которые мир переживает сегодня.

С середины 20 века, а наиболее интенсивно с 1970-1980 гг., происходит целая серия экстраординарных качественных изменений во всех сферах жизни.

За последние 30-40 лет мир стал свидетелем технологической революции, в основном в сфере информационных и коммуникационных технологий. Появление и широкое распространение радио, телевидения, спутникового вещания, телевизионных сетей типа CNN сделали всемирное распространение информации абсолютно реальным. «По-видимому, крупнейшая революция, какую только можно себе представить в области информации, произошла 4 октября 1957 г., когда Спутник создал новое окружение для планеты, – пишет М. Маклюэн, – ...Воистину с появлением

¹ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – С. 103

Спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры»¹.

Другим принципиально важным изобретением стал Интернет. Его важнейшими особенностями являются возможность доступа к неограниченному потоку информации людей с любой точки планеты, мгновенное интерактивное общение людей независимо от расстояния между ними, а также невозможность контроля и доминирования какого-то определенного актора. При этом стоимость Интернет-коммуникации в целом достаточно низкая. Еще одним изобретением, которое разрушило представления людей о физико-географическом пространстве, стала мобильная и спутниковая телефонная связь, которая делает человека доступным для мгновенной интерактивной коммуникации в любое время в любом месте.

Развитие транспортных технологий, выраженное в значительном увеличении скорости и снижении стоимости передвижения товаров и людей, вызвало колоссальное движение товаров и людей во всех возможных направлениях и через все национальные границы. Массовая миграция и мобильность людей практически не оставили на Земле территорий, которые не включились в этот процесс. Коммуникационные системы перестают быть пространственно ограниченными. Благодаря миграционным потокам, транспортным коммуникациям, деятельности транснациональных СМИ возникает *переход от «закрытости», основанной на принципе монокультурализма, к «открытости», основанной на принципе мультикультурализма.*

Кардинальные изменения затронули и сферу мировой экономики. Статистические данные указывают на то, что с середины 20 в. начинается происходить «революция» международной торговли. Начиная с 1950-х гг. идет резкий скачок объемов мировой торговли, который за 50 лет увеличился

¹ Маклюэн М. С появлением спутника... [Электронный ресурс]: Проект «Исследования средств коммуникации». Сайт МГИМО. – М. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/kf/MEDIA/art017.htm>

почти в 60 раз¹. Тогда же начинает формироваться транснациональная экономика – углубление международного разделения труда, бурный рост числа и размеров ТНК, возникновение мировых рынков сырья, капитала, рабочей силы и т. д. Статистические и исторические данные указывают на резкий контраст – *контраст между «замкнутой» и «открытой» экономиками.*

Следующее направление кардинальных изменений – формирование сферы транснациональной политики. С 1950-х гг. наблюдается резкий рост числа международных правительственных и неправительственных организаций. В настоящее время существует около 350 крупных межправительственных организаций и более 7000 различных международных неправительственных организаций². Функционирование данных международных организаций и решение их силами различных международных проблем предполагает отчуждение части национально-государственного суверенитета в пользу созданных межправительственными соглашениями организаций, действующих на супранациональном уровне (ООН, Мировой банк, Международный Валютный фонд, НАТО и т. д.), и неправительственных транснациональных организаций, действующих на субнациональном уровне (Greenpeace, Amnesty International, Human Rights Watch и т. д.). Таким образом, обозначился контраст между *старым и новым типами политики*, характеризуемыми, соответственно, «закрытостью», основанной на принципе национально-государственного суверенитета, и «открытостью», основанной на принципе супра- и субнациональной взаимозависимости.

Развитие коммуникационных и медиа-технологий, транспортной системы, интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств, рост числа международных организаций в итоге привели к принципиальным качественным изменениям

¹ Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]: Сайт Факультета социологии СПбГУ. – Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml

² Там же

пространственной организации и структуры социального взаимодействия как на уровне повседневной практики людей, так и на уровне взаимоотношений между ранее самодостаточными и относительно закрытыми территориальными образованиями – городами, регионами, государствами. Локальности всех видов перестали быть закрытыми образованиями, их функционирование стало зависеть от событий, происходящих далеко за пределами их собственной территории. Это касается всех аспектов деятельности локального образования – экономики, политики, культуры, экологии и т. д. В своей деятельности локальности вышли за рамки своей территории и получили возможность действовать уже на уровне мировой политики, торговли – на транслокальном уровне. В их функционирование активно включились представители других локальностей – мигранты, бизнесмены, туристы и т.д.

В совокупности рассмотренные тенденции, проявляющиеся синхронно в различных сферах, привели к *переходу от старой – пространственно / территориально «закрытой» социальной организации к новой – «открытой».*

Автомобили, скоростные поезда, самолеты, телевидение, спутниковая связь, сотовая связь, Интернет, ТНК, межправительственные организации – все это вместе взятое привело к качественно новым возможностям для коммуникаций между людьми, группами и всеми видами локальностей, вне зависимости от их территориального расположения относительно друг друга что, по словам Э. Гидденса, выразилось в «вырывании социальных отношений из локального контекста взаимодействия и их реконструкции минуя пространство и время»¹. Это привело к принципиальной трансформации отношений между местом, где мы физически живем, и нашими культурными, социальными практиками, опытом и идентичностью². Несколько ученых предложили схожие термины для определения данной

¹ Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – P. 21

² Tomlison J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 106-150

ситуации – «детерриторизация» (А. Аппадурай, М. Фезерстоун, С. Латош), «делокализация» (Г. Томпсон). Гидденс, внесший наиболее существенный вклад в анализ изменений пространственно-временных отношений, считает, что именно расширение социальных практик во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности является фундаментальной характеристикой современного мира.¹

Трансформация в измерении времени, или как называет это Э. Гидденс «*опустошение времени*» (т.е. абстрактность его измерения), привела и к «*опустошению пространства*», что в свою очередь выразилось в «разделении пространства (space) и места (place)». В повседневном общении мы не разделяем данные понятия и используем их как синонимы. Однако их отличие становится более понятным при рассмотрении места как «locale» (место действия) – термин, используемый Гидденсом. «Место действия» – это «физическое окружение социальной активности».² Таким местом действия может быть весь спектр мест – от конкретной комнаты до территориальных границ государства. В обществах премодерна пространство и место совпадали, т.к. непосредственное межличностное общение было доминирующим в социальной жизни подавляющего большинства людей.

Сегодня происходит размежевание пространства и места взаимодействия. Становятся возможными отношения на расстоянии, отношения между людьми, которые не связаны единым физическим местом взаимодействия. Сегодня мы наблюдаем «выведение» (disembedding, термин Гидденса) социального взаимодействия за рамки локального контекста. Современная жизнь, утверждает Гидденс, характеризуется расширением нашего опыта пространства и времени, процессом, который он назвал *пространственно-временной дистанцированностью*. Социальные отношения становятся «растянутыми» (stretched, термин Гидденса) во всех своих формах во времени и пространстве, преодоление территориальной

¹ Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.

² Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – P. 18

ограниченности является фундаментальной характеристикой современного мира.¹

Другой признанный теоретик пространственно-временной трансформации, американский географ и социальный антрополог Дэвид Харвей предложил несколько отличающуюся от Энтони Гидденса трактовку современных процессов. Э. Гидденс разводит понятия времени и пространства, Харвей же утверждает, что объективизация и универсализация концепции пространства и времени позволили времени упразднить пространство². Он называет этот процесс *пространственно-временной компрессией*, когда время реорганизуется таким способом, что снижает значение пространства, и наоборот. Пространственно-временная компрессия представляет собой сокращение времени и сжатие пространства. Время, необходимое для совершения интеракции, сокращается, что приводит к сокращению дистанции между двумя точками в пространстве. Таким образом, можно утверждать, что если люди в разных городах одновременно испытывают или делают одно и то же (смотрят одну и ту же программу по телевизору, разговаривают друг с другом по телефону), то они, в сущности, находятся в одном месте – пространство упраздняется благодаря компрессии времени. Харвей иллюстрирует этот процесс схемами, которые отображают четыре карты мира в разное время – каждая последующая меньше предыдущей, в зависимости от изменения времени расходуемого на транспортировку. Так, мир 1960-х представляет собой около 1/5 мира 16 века. Это объясняется тем, что самолет движется примерно в 5 раз быстрее корабля³. Согласно идее пространственно-временной компрессии, пространственные дистанции в социальных отношениях становятся неважными. Благодаря современным коммуникационным технологиям пространственные барьеры растворяются, мир превращается в «единое поле» (пересекается с идеей Маклюэна о «глобальной деревне»).

¹ Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.

² Harvey D. The conditions of postmodernity. – Cambridge, MA: Blackwell, 1990. – 378 p.

³ Harvey D. The conditions of postmodernity. – Cambridge, MA: Blackwell, 1990. – P. 241

Идеи Харвея о пространственно-временной компрессии как ключевой характеристике современной трансформации также перекликаются с идеями Барбары Адам, британского специалиста по социальному времени и редактору журнала «Time and Society». Она считает, что с развитием современных информационных и коммуникационных технологий временная компрессия достигла своего зенита: последовательность и продолжительность сменились одновременностью и мгновенностью. Продолжительность свелась к нулю. С этим переходом настоящее пространственно расширилось на весь мир. «Для тех, у кого есть доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям, настоящее глобализировано ... интенсивность уступила место экстенсивности, принеся с собой возможность согласованного действия в реальном времени».¹

С нашей точки зрения, идея Харвея о пространственно-временной компрессии более ясно характеризует современные социальные отношения, нежели термины Гидденса «растянутость», «дистанцированность». Однако принципиальной разницы в теориях данных ученых нет, речь идет, с нашей точки зрения, только о несколько неудачном выборе Э. Гидденсом терминов.

Известный британский ученый Дэвид Хэлд и его соавторы указывают четыре основных процесса, которые характеризуют новую систему социального взаимодействия: пространственное расширение социальных отношений, увеличение интенсивности обмена, ускорение глобальных потоков, взаимозависимость².

На основании анализа процесса пространственно-временной компрессии и изменения состояния мира как совокупности относительно автономных локальностей можно выделить две несколько различных характеристики современного мира. Современный мир характеризуется, с одной стороны, *всеобщей взаимосвязанностью*, а с другой стороны – *близостью*.

¹ Adam B. Time // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications. – P. 124

² Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 515 p.

Под *взаимосвязанностью* подразумевается тот факт, что благодаря современным средствам связи (как транспортным коммуникациям, так и электронным средствам связи) люди и различного рода разделенные в пространстве локальности оказались «связанными» между собой. Широкая сеть транспортного сообщения сделала возможным перемещение из любой точки земного шара в любую другую за минимальный промежуток времени. Еще большие возможности (практически не ограниченные) в этом плане дают электронные средства связи, которые после запуска спутника и развития спутниковой связи покрывают и связывают в единую сеть всю территорию земного шара. При этом если несколько лет назад единицами связи были дома, квартиры, офисы и т.д., то после повсеместного распространения мобильных телефонов такая глобальная взаимосвязанность появилась на уровне отдельного человека. Транспортная сеть может рассматриваться как физический аспект взаимосвязанности (дороги, морские и воздушные пути представляют собой реальные «нити», которые связывают различные территории), электронные средства – как абстрактный аспект, т.к. сотовая, спутниковая связь, Интернет не предполагают наличия каких-либо «физических» проводов и кабелей между людьми, вступающими в коммуникацию. Отсутствие этой зависимости от физического пространства, абстрактность связи, является еще одной ключевой характеристикой, отличающей современный мир от того, что было 30-40 лет назад. Раньше связь (в частности телефонная) во многом ограничивалась длиной телефонного кабеля и возможностью проложить такой кабель (или сеть кабелей) от одной точки до другой.

Современный дом современного человека все еще локализован с той точки зрения, что представляет собой четко локализованное во времени и пространстве место, где прямые межличностные отношения составляют основу. Однако существуют несколько моментов, которые заставляют практически каждого современного человека, каждый «дом» и каждую даже отдаленную локальность осознанно и неосознанно участвовать в процессах

интеракции с людьми, группами, культурами, социально-территориальными образованиями, находящимися далеко от них, делает их «открытыми миру».

Практически в каждом современном доме, офисе есть почтовый ящик, через который люди получают письма и газеты, есть телефон, радио, телевизор, часто еще и со спутниковой антенной, видеоманитофоном или DVD-проигрывателем. Во многих домах и в подавляющем большинстве офисов есть еще и компьютер с доступом в Интернет, мобильные телефоны. Современные средства связи сопровождают человека везде. Даже покидая пределы офиса и дома, он остается связанным со всем миром через мобильный телефон, портативный компьютер, смартфон все с тем же выходом в Интернет. Даже в самых отдаленных деревнях люди, по крайней мере, слушают радио. Современные средства коммуникации позволяют современному человеку поддерживать отношения и связь с людьми вне зависимости от их географической удаленности. Несмотря на то, что в наших домах и офисах непосредственные личностные коммуникации остаются доминирующими, они все больше и больше становятся «открытыми» остальному миру. Как пишет Д. Морлей, британский исследователь феномена современных электронных СМИ: «Наши гостиные – это место, где глобальное встречается с локальным»¹.

Даже способ, благодаря которому все больше и больше людей получают в собственность свои дома (через ипотеку, кредиты), связывает их с глобальной финансовой системой, функционирование которой может ощущаться даже в повседневной жизни. Мировая финансовая система, пожалуй, является одним из самых эффективных механизмов связи локальностей, примером детерриторизации, причем большинство людей этого даже не осознают. Для того, чтобы быть частью мировой финансовой системы, необязательно владеть счетом в зарубежном банке или играть на бирже. Любой местный банк, в котором мы храним свои деньги, через

¹ Цит. по кн.: Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 179

который получаем зарплату, пенсию, пособия, в котором открыты счета наших работодателей – это часть мировой финансовой системы, и его функционирование напрямую зависит от событий, происходящих на другом конце планеты. Колебание курса мировых валют, изменение ставки рефинансирования в Европе, банкротство крупного концерна в Японии, даже просто хулиганство хакеров, взломавших сервер, обеспечивающий прохождение платежей, влияет на состояние нашего банка, а через него на нас. Не говоря уже о том, что для большинства людей в современных развитых странах пользование пластиковыми картами является обыденным. При этом каждая интеракция с данной картой включает нас в мировую электронную финансовую систему вне зависимости от того, где мы в настоящий момент находимся.

Таким образом, «взаимосвязанность» характеризует наличие широкого спектра скоростных каналов связи между локальностями, людьми, разрушающего их физическую пространственную отдаленность. Необходимо согласиться с М. Уотресом, который писал: «В полностью глобализованном контексте никакие отношения не могут быть изолированными или иметь какие-то границы распространения. Каждые из них связаны со всеми другими и системно воздействуют на них»¹.

Состояние близости как характеристика современного мира является следствием взаимосвязанности. Эта характеристика отражается в идеях «глобальной деревни» М. Маклюэна, «сжимании мира» Д. Харвея, «растягивании» социальных отношений у Э. Гидденса и осознании мира как «единого пространства» у Р. Робертсона и М. Фезерстоуна. Ускоряющий эффект электронной коммуникации и современных транспортных систем привел к возникновению структурного эффекта, который М. Маклюэн назвал «имплозией». Это означает, что человек может принимать участие, «ощущать» события, действия, которые территориально происходят далеко от него.

¹ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 62

Говоря о близости, необходимо учитывать, что локальности стали ближе друг к другу в особом плане. Реальное физическое расстояние между людьми и локальностями никуда не делось, между Томском и Копенгагеном как было около 5000 км несколько веков назад, так и осталось в современном мире. Только люди в современном мире ощущают это расстояние по-другому или не ощущают его вообще. Это принципиально для понимания пространственно-временной трансформации. Речь идет не о трансформации географического пространства как такового (реального объективного географического пространства), а о восприятии людьми этого пространства (т.е. о феноменологической трансформации).

Состояние близости можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, это включение в нашу повседневную локальную жизнь имиджей и практик из других локальностей. В основном это происходит двумя путями – через повседневное рутинное использование СМИ и через потребительские товары. Большинство товаров, которые мы используем в своей повседневной жизни, полностью или частично произведены в других городах, странах, континентах или отражают социально-культурные элементы других локальностей (типа кока-колы, произведенной на местном заводе). Благодаря СМИ мы в одинаковой степени знаем, что происходит в соседнем городе и на другом континенте (часто о первом мы осведомлены меньше, чем о втором). Люди сопереживают событиям, происходящим далеко от них и напрямую с ними не связанным, как бы они сопереживали, если бы лично знали участников этих событий. «Электронная связь ... втягивает нас немедленно и беспрестанно в заботы всех других людей. Она перевела диалог на глобальные масштабы», – писал М. Маклюэн¹. Наш мир – «глобальная деревня», жители которой помещены в единое информационное поле и реагируют «по-соседски» на события в самых отдаленных районах мира. Познание физического мира больше не требует в обязательном порядке

¹ Маклюэн М. Средство есть само содержание [Электронный ресурс]: Нижегородский университетский центр Интернет. – Нижний Новгород. – Режим доступа: <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/lib/macclu.ru.html>

какого-либо передвижения в этом пространстве. Современные коммуникационные технологии позволяют человеку познавать географическое пространство, оставаясь четко локализованным в этом пространстве и времени.

С другой стороны, близость – это достаточно высокая степень зависимости нашей локальной повседневной жизни от событий, происходящих далеко от нас. Рост цен на бензин на местной бензозаправке как следствие войны в Ираке и повышения мировых цен на нефть, угроза для жителей Германии остаться без тепла из-за усложнения отношений между Россией и Украиной и риск срыва транзита газа и др. Говоря о глобализации как долгом историческом процессе, Робертсон подчеркивает, что отличительной особенностью современного этапа глобализации является именно это осознание людьми близости и ощущении мира «как единого пространства»¹.

Современные люди имеют возможность жить совместно с «дистанцированными другими» так, если бы они были гораздо ближе к нам. В современном мире значительно расширилось пространство, в котором люди могут «жить вместе». Люди стали более «досягаемы». Но все это достаточно относительно и характерно лишь для некоторых аспектов «досягаемости». Говоря словами Н. Фрифта, исследователя проблемы пространства, «вы можете по мобильному телефону позвать на помощь – но никто не придет»². Как мы уже говорили, реальное физическое и географическое пространство не сократилось, оно осталось таким же. Современные средства коммуникации нивелируют значение пространства в большей степени для информационной, эмоциональной стороны коммуникации, однако проблема физического взаимодействия во многом сохраняется. Жители «глобальной деревни» посредством электронных коммуникаций «сопереживают» друг другу в режиме реального времени,

¹ См.: Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 25-44

² Thrift N. Space // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications, 2005. – P. 143

несмотря на разделяющее их географическое пространство. Однако в случае необходимости не могут в режиме этого же реального времени совершить определенные действия, которые предполагают сопричастие в одном и том же физическом пространстве, например обнять человека. Существует явный конфликт – социальный опыт и практики человека становятся глобальными, однако сам он остается по-прежнему четко локализованным в физическом пространстве и времени.

Следует акцентировать внимание, что исходя из пространственно-временной компрессии, в современном мире принципиальным образом меняются отношения между пространством и временем. В традиционных формах общества пространственные характеристики социального бытия выражали время и подчиняли себе его измерение (как мы показывали, измерение времени полностью определялось локальным контекстом пространства взаимодействия). В новое время осуществляется «переворачивание» этой зависимости: время становится главным измерителем социальных качеств людей и вещей. Элвин Тоффлер вообще выделяет ускорение как ключевую характеристику современного общества, которое трансформирует все его аспекты.¹ Одним из основных способов субъективного измерения и ощущения пространства для человека является время, которое тратится на коммуникацию с людьми и локальностями, находящимися на расстоянии. В условиях глобализации меняется наше понимание и ощущение «далеко» и «близко»².

Очевидно, что такая кардинальная трансформация привела и к тому, что деятельность многочисленных обществ, социальных групп, отдельных людей в современном мире не ограничивается только географическим пространством конкретного общества. В различных видах человеческой деятельности складываются отношения, выходящие далеко за пределы очерченных территориальных границ. Для современного общества

¹ Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 3 - 59

² Thrift N. Space // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications. – P. 142

характерна очень условная и опосредованная связь социальных практик и процессов, формирующих социальное пространство, с пространством географическим. Мы очутились в принципиально ином, шарообразно-замкнутом социально-культурном пространстве, где «все времена и пространства сразу»¹.

Однако связь социальных процессов с территориальностью в условиях глобализации зависит и от вида этих социальных связей, оторванность социальных процессов от территорий не абсолютна. Как мы показали, глобализация как отход от закрытой локальной пространственной организации разворачивается в трех основных сферах – экономике, политике и культуре. Для каждой из этих сфер, по мнению одного из ведущих теоретиков глобализации Малькома Уотерса, существует свой вид обмена, который и определяет степень связи зависимости от территориальности². Материальный обмен, характерный для экономики, предполагает сильную связь социальных процессов с локальностью. Производство товаров предполагает использование локализованных в пространстве трудовых и производственных ресурсов. Даже распространяющиеся глобально товары производятся на конкретных локализованных в пространстве заводах, фабриках и продаются также через локализованные в пространстве магазины, рынки и т.д. Политический обмен ведет к расширению территорий. Политическая власть способствует интеграции территории и, одновременно, расширению ее взаимодействий с другими территориями через систему международных отношений. Символический же обмен полностью освобождает социальные отношения от пространственной привязки. Символы могут быть произведены в любом месте и в любое время. Их движение не может быть определено пространственными барьерами. «Материальный обмен предполагает локализацию, политический – интернационализацию, а символический – глобализацию» – ключевая

¹ Терин В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. – М., 2000

²Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – 185 p.

теорема Уотерса¹. Из этого, однако, не следует, что экономика и политика не глобализируются вообще. Экономика глобализируется быстрее в тех сферах, где преобладает символичность (финансы и потребление); политика – при актуализации и проблематизации ценностей, а не материальных интересов.

Очевидно, что такая кардинальная трансформация мира произошла не за несколько лет. В течение последних 30-40 лет изменения были наиболее интенсивными и кардинальными, однако предпосылки формирования контуров современного мира, детерриторизационных процессов и глобальной взаимозависимости имеют несколько более дальние исторические корни. Некоторые теоретики даже считают, что современная ситуация вообще не является чем-то уникальным, а представляет собой логическое продолжение давно идущих процессов. В частности, И. Уоллерстайн в принципе не признает феномен глобализации. Другие ученые утверждают, что глобализация началась со времен великих географических открытий или даже раньше. Так, В. Левашов считает, что глобализация берет свое начало «с возникновения первого человеческого общества на нашей планете».² В данном исследовании глобализация рассматривается исключительно как феномен современного мира, т.к. возможности людей по преодолению территориальных границ и расстояний, уровень мировой взаимозависимости принципиально отличаются от того, что было 30-40 лет назад. Однако с целью демонстрации постепенного преодоления замкнутых границ локальностей и формирования глобальной взаимозависимости считаем нужным привести две классификации развития процесса глобализации – Р. Робертсона и Г. Тербона. Данные периодизации не столько расходятся в датах начала глобализационных процессов, сколько рассматривают этот процесс с несколько различных позиций.

Ролан Робертсон, основоположник и один из основных теоретиков дискурса глобализации, в центр развития глобализационных процессов и

¹ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 9

² Левашов В. К. Общество и глобализация // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 14

формирования мира как «единого пространства» ставит национальное государство (государство-нацию). Он выделяет 5 основных фаз развития глобализации¹.

1. Протоглобализационная стадия (1400-1750):

– разделение Христианской церкви и появление государственных образований;

– распространение католицизма как универсальной религии;

– развитие идей гуманизма и индивидуализма;

– появление первых карт Земли;

– появление и принятие идей об устройстве Вселенной как Солнечной системы;

– распространение универсального календаря на Западе;

– колониализм.

2. Начальная стадия глобализации (1750-1875):

– становление и развитие феномена национального государства;

– формальные дипломатические отношения между государствами;

– появление института гражданства и паспортов;

– появление первых национальных государств, не относящихся к Европе;

– международные выставки и соглашения;

– международные правовые декларации и конвенции;

– первые идеи интернационализма и универсализма.

3. Фаза развития глобализации (1875-1925):

– концептуализация мира в терминах четырех основных точек отсчета – национальное государство, индивид, единое международное сообщество, единое человечество;

– международные коммуникации, спортивные и культурные связи;

¹ Robertson R. Globalization. – London: Sage, 1992. – P. 58-60

- становление единого мирового календаря и системы измерения времени;

- первая мировая война;

- массовая международная миграция и вызванные ею законодательные ограничения;

- еще большее количество неевропейских национальных государств на международной арене.

4. Фаза борьбы за гегемонию (1925-1969):

- учреждение Лиги Наций, а затем ООН;

- Вторая мировая война, Холодная война;

- концепция военных преступлений и преступлений против человечества;

- универсальная угроза ядерного оружия;

- появление стран Третьего мира.

5. Фаза неопределенности (1969-...):

- освоение космоса;

- постматериальные ценности и появление дискурса прав человека;

- распространение сообществ, основанных на сексуальных, национальных, половых и расовых отличиях;

- международные отношения становятся более комплексными и нестабильными;

- осознание глобальных экологических проблем;

- развитие масс-медиа через использование космических технологий (спутниковое телевидение и др.).

Горан Тербон, известный шведский социолог, исследователь глобализационных процессов выделяет шесть волн глобализации¹.

Первую волну Тербон связывает со временем распространения мировых религий и формирования трансконтинентальной цивилизации в период с 4 по

¹ Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. June 2000. – Vol. 15 (2). – P. 158-166

7 вв. В это время сформировались и распространились по миру основные религии – христианство, буддизм, индуизм и ислам. Религия утвердилась именно как транс-локальное явление. Наряду с глобализационными тенденциями, распространение религии привело и к обратным процессам: регионы в рамках одной религии стали более консолидированными между собой, но отстроены от других религий.

Вторая волна была вызвана европейскими завоевательными походами, которые начались в конце 15 в. с открытий Колумба и продолжались более столетия через нидерландские, британские и французские походы. Этот период связан с небывалым развитием трансконтинентальной торговли, миграцией на новые земли, культурным империализмом европейских метрополий.

Третья волна была в большей степени связана с внутриевропейскими войнами, вовлекшими в них все остальные континенты. Наполеоновские войны также вызвали небывалое движение населения и смешение культур.

Четвертая волна глобализации связана с европейским империализмом и продолжалась с середины 19 в. по 1918 г. Эта волна была поддержана масштабной торговлей, добровольной массовой трансконтинентальной миграцией, а также развитием новых более быстрых средств коммуникации и транспорта. Утвердился мировой рынок, поддержанный введением золотого стандарта в мировой финансовой системе. Первая мировая война и последующие события вовлекли в мировое взаимодействие все континенты и страны мира. После войны были учреждены первые мировые наднациональные органы – Лига Наций и Международная Организация Труда, а также ряд общемировых стандартов, норм и правил. После войны был определен период «деглобализации» – сокращение мировой торговли, отход от золотого стандарта в национальном валютном регулировании, национальный и этнический партикуляризм.

Вторая мировая война, согласно периодизации Г. Тербона, вызвала новую волну глобализации. После войны снова последовал мирный этап

глобализации, характеризующийся учреждением ООН и соответствующих специализированных организаций, Нюрнбергского трибунала, Всемирной Декларации прав человека и др.

Пятая волна глобализации развивалась после окончания войны. Транспортные и коммуникационные издержки невероятно снизились, интенсивность мировой торговли опять невероятно возросла. Однако основной вклад внесла Холодная война, вовлекшая в дуалистическое идеологическое противостояние практически все страны мира, что способствовало значительной консолидации государств на почве общей идеологии и врага, а также развитию интенсивных социально-культурных и экономических коммуникаций между странами блоков.

Современность представляет собой шестую волну глобализации. По мнению Г. Тербона, современную волну характеризует масштабная глобализация культуры и экономики. После установления Бреттонвудской валютной системы объем мировой торговли, инвестиций и международных финансовых операций возрос в несколько раз. Массовая интерконтинентальная и интернациональная миграция не только приняла небывалые масштабы, но и действует во всех направлениях. Спутниковое вещание, глобальные телевизионные сети типа CNN сделали глобальное распространение информации абсолютно реальным. Другими принципиально важными изобретениями стали Интернет, спутниковая и сотовая связь. Еще одним важным культурным феноменом шестой волны глобализации является формирование действительно международного и глобального языка общения, каким стал английский.

Однако за пределами культуры и мировой торгово-финансовой сферы глобализация за время шестой волны не продвинулась дальше, считает Г. Тербон. Окончание холодной войны сменилось этапом деглобализации политических процессов. Несмотря на развитие международных правительственных и неправительственных организаций, мир еще очень далек от формирования единого глобального гражданского общества.

Как мы писали выше, некоторые ученые (т.н. группа скептиков) считают, что глобализация не является уникальным феноменом и в истории было множество подобных прецедентов. Однако прошлые «мировые империи» не имели ни одной из характеристик современной глобальной взаимозависимости. Они были ограничены в пространственном расширении, не имели возможности для культурной и политической интеграции через расстояние, не могли устанавливать и контролировать свои границы в рутинном порядке, как это делают современные государства. У прошлых сообществ не было возможности «управлять» временем и пространством, как мы это делаем сейчас. Простое перемещение людей с одного места в другое (как это было раньше) имеет ограниченное влияние на эти места в сравнении с глубоким проникновением, которого достигли современные коммуникационные технологии. Современные путешественники отличаются от прошлых и тем, что они в определенном смысле уже «знакомы» с другими локальностями еще до момента непосредственного общения¹.

Первое время для характеристики новых процессов, для указания на их транслокальный статус использовались понятия «международный», «интернациональный». Однако данные понятия не несут в себе смысл преодоления границ, ограниченности действия рамками конкретной территории. Как пишет В. Толстых, «если интернационализацию можно определить как процесс интенсификации международных связей и обменов, то глобализация характеризует перерастание этого процесса в становление целостного (интегрального) мира, в рамках которого отдельные общества, страны и регионы все больше приобретают черты частей целого»². В этом контексте интернационализация выступает как бы стартовой площадкой глобализации. Возникает перспектива возникновения «земного шара без границ». Более того, они сводят значение ограниченности территории лишь к одному из возможных видов локальностей – государство-нация. Для

¹ См.: Tomlinson J. *Globalization and Culture*. - Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 37-43

² Толстых. В. Интернационализация // Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 378

обозначения этого качественно нового феномена неограниченности действия, опыта, явления, процесса рамками конкретной локальной территории было необходимо новое понятие, каким стало «глобальное». Несомненно, само слово глобальное не является новым словом, ему уже более 400 лет¹, однако в научный дискурс термин «глобальное» включается лишь в середине 1960-х годов, когда В. Мур ввел в оборот термин «глобальная социология», а М. Маклюэн – термин «глобальная деревня».² Однако, как утверждает Робертсон, в научном дискурсе данный термин и производные от него закрепились лишь с середины 1980-х, когда научную значимость принял сам концепт «глобализация».

Проведенный анализ кардинальной трансформации двух базовых онтологических категорий – пространства и времени, выраженный в «сжимании» пространства и его практической нивелировке через сокращение времени интеракций, позволил нам определить современный мир как глобальный, не представляющий больше совокупность изолированных локальных сообществ. В результате пространственно-временной компрессии произошло размежевание социального пространства взаимодействия и географического места локализации акторов. Социальная активность людей, локальных групп, сообществ больше не ограничивается конкретным локальным географическим пространством. Современный мир характеризуется состоянием глобальной взаимосвязанности и близости. В результате пространственно-временной компрессии, феномена взаимосвязанности и близости появились практики, оторванные от локального контекста, испытывающие на себе влияние процессов, происходящих в других локальностях, а также сами оказывающие влияние на отдаленные локальности – практики глобальные.

¹ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 2

² Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]: Сайт Факультета социологии СПбГУ. – Проблемы теоретической социологии. – 2003. - № 4. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml

В следующем параграфе мы проанализируем, как происходит появление «глобального», переход «локального» в «глобальное». Также мы определим механизмы, позволяющие преодолевать пространственную ограниченность локального и формирующие глобальное пространство взаимодействия – «механизмы детерриторизации».

1.3. Процесс и механизмы формирования глобального пространства взаимодействия

Прежде чем выделить и проанализировать механизмы, позволяющие преодолевать пространственную ограниченность локального и формирующие глобальное пространство взаимодействия, определимся с признаками, которые характеризуют «локальные» и «глобальные» процессы, практики и явления. Это поможет нам увидеть принципиальную разницу между «локальным» и «глобальным», а также рассмотреть процесс перехода последнего в состояние первого.

«Локальное» подразумевает те процессы, действия, практики и явления, которые четко определены в пространстве и времени, ограничены условиями конкретного места. Привязанность к месту действия подразумевает две вещи. Во-первых, физическая привязанность, т.е. осуществление действия на данной конкретной географической территории и ограничение данного действия границами этой территории. Во-вторых, локальный характер предполагает обусловленность действия, процесса условиями и факторами, относящимися к этому же месту действия. Это предполагает взаимозависимость и взаимообусловленность процессов, происходящих в одном и том же месте, а также определенную степень независимости локальных процессов и действий от факторов вне данной локальности. Речь не идет о полной независимости от внешних факторов. Однако это влияние не носит перманентный, системный и принципиальный характер. Локальное явление детерминировано условиями места функционирования. Так, говоря о

культурных практиках, Д. Томлинсон указывает на их детерминированность конкретными локальными географическими характеристиками, климатом, традициями, практиками, диалектами, местной кухней, религией и т.д.¹

Следует отметить, что понятие «локальное» является относительным понятием, с точки зрения как пространственно-территориальных отличий, так и временных. В рамках пространственных характеристик деревня (и как конкретная территория, и как система социально-культурных отношений) является локальным явлением по отношению к региону. Регион является локальностью, а происходящие в нем процессы – локальными по отношению к стране. В свою очередь страна (опять и как конкретная территория, и как система социально-культурных отношений, связанных с этой территорией), национальное является локальным по отношению к мировому. В социальных науках локальное и производные от него термины локальность, локализм связаны с представлением о частном ограниченном пространстве с его системой социально-культурных отношений. Очень важно, что в понятии «локальность» сочетаются и отдельная система социально-культурных отношений и привязанность этой системы к какому-то конкретному месту в пространстве. Оговоримся, что в дальнейшем мы рассмотрим современные тенденции лишения локальности привязанности к конкретной ограниченной географической территории. Соответственно при построении шкалы локальностей мы должны учитывать как систему территориально-географических взаимоотношений, так и систему социально-культурных, т.е. соотношение уровней географического и социального пространств.

Взаимоотношения локальностей представляют собой «принцип матрешки». Таким образом, можно выстроить определенную шкалу локальностей (и соответствующих им локальных отношений, явлений, практик) в зависимости от их размеров и места в мировой системе социальных отношений. При построении данной шкалы мы воспользуемся

¹ Tomlison J. *Globalization and Culture*. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. — P. 130

системным подходом к классификации локальностей. Современный мир, и с территориальной точки зрения, и с точки зрения социально-культурных взаимоотношений, будем рассматривать как систему высшего порядка.

Условно можно выделить три уровня локального.

1. Микро-уровень: человек, различного рода социальные группы и сообщества как носители особенной культуры.

2. Мезо-уровень: города, регионы.

3. Макро-уровень: национальное государство, межнациональные объединения типа ЕС (супра-национальный уровень), религия, цивилизация.

Как правило, в разных науках и у различных авторов центром анализа становятся разный уровень локального и его трансформация в условиях глобализации. В рамках данной работы мы будем рассматривать локальности безотносительно к их уровню, так как целью является социально-философский анализ взаимоотношений «локального» и «глобального».

Во временном аспекте понятие «локальное» также является относительным. Как пишет У. Ханнерц, известный шведский социальный антрополог и исследователь проблем глобализации, «то, что считалось космополитизмом в 1940-х, сегодня сочтут за средний уровень локализма»¹. Говоря о динамике взаимосвязи «глобального» и «локального», необходимо учитывать указанную относительность и разноуровневость последнего.

Итак, преодолевая обусловленность местом действия, выходя за рамки ограниченного локального пространства, процессы, практики приобретают «глобальный» характер. Преодоление ограниченного пространства означает не только распространение действия данного явления за рамки конкретной локальности. Выход явления за рамки локальности ведет к тому, что это явление начинает испытывать на себе влияние условий и процессов, происходящих в других локальностях, находящихся на расстоянии от них. Глобальное действие/явление/практика – это такое действие, которое

¹ Цит. по Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 32

обусловлено дистанцированными от него факторами, явлениями и процессами и которое имеет значение для множества локальностей, не связанных между собой территориальной близостью. У. Бек пишет, что «глобально» означает «во многих местах одновременно»¹. По-другому глобальное можно также назвать транслокальным.

В. Толстых считает, что «к глобальным относят явления, факторы, тенденции и процессы, которые стали общезначимыми, общечеловеческими для мирового сообщества в целом, затрагивают интересы и выражают потребности всех народов и граждан, стран и культур и так ими воспринимаются и оцениваются».² Такое определение значительно сужает значение понятия «глобальный», не раскрывает его полностью, а также в определенной степени идеализирует процессы и явления, отражаемые данным понятием. Если действие процесса или явления выходит за рамки локального и получает глобальный статус, это совершенно не значит, что данный процесс выражает интересы всех народов и граждан.

Важно отметить, что, выходя за пределы локального статуса, практики и явления не теряют полностью обусловленность локальными факторами. Более того, явление, распространяющее свое действие на глобальном уровне, может сохранить свою детерминированность факторами и акторами, принадлежащими к одной конкретной локальности. Примером такого глобального феномена может служить деятельность ряда транснациональных корпораций (ТНК), в частности телевизионной сети CNN. Сетка вещания CNN покрывает практически всю поверхность планеты, преодолевая все локальные границы, однако информационная политика данной новостной сети совершенно явно определяется представителями одной страны. Глобальные процессы могут в значительной степени регулироваться и контролироваться локальными акторами и выражать их интересы. Именно

¹ Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелникова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 87

² Толстых. Феномен глобализации // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 186

такая возможность и является ключевым основанием критики современных глобализационных процессов.

Еще одна характеристика позволяет классифицировать процесс, явление как глобальное, если оно инициировано, проведено в жизнь или стало результатом действия института, который изначально имеет мировой транслокальный статус. Действия таких транслокальных институтов не только имеют мировой масштаб, но также неподконтрольны какой-то конкретной локальности. Примером таких институтов являются международные правительственные и неправительственные организации, межгосударственные объединения, а также ТНК (более подробно о роли этих институтов в развитии глобализационных процессов речь пойдет ниже).

Оторванность глобальных практик от пространственных характеристик и обусловленностей может привести к пониманию «локального» как реального, а «глобального» как абстрактного¹. Такое понимание локального как реального можно объяснить тем, что локальность – это, по сути, конкретное «место», где люди живут своей повседневной жизнью, это место повседневных практик. Глобальное же действие в основном носит символический, опосредованный характер. Здесь уместно вспомнить уже рассмотренную нами теорему М. Уотерса о том, что материальный обмен локализован, политический – интернационализирован, а символический носит глобальный характер.

Вышедшие за рамки своего локального статуса явления и процессы формируют некое глобальное, или транслокальное (супра-локальное, пан-локальное – Р. Робертсон²), пространство. В рамках этого транслокального пространства локальное уже не является замкнутой системой, в рамках глобальности локальности становятся открытыми друг для друга.

Понимать глобальное как тотально недетерминированное границами на современном этапе развития человечества не представляется верным. В

¹ Dirlik A. The Global in the Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 21

² Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 25-44

определенной степени глобальное также получает статус ограниченности действия, только эта ограниченность уже возникает на уровне всего земного шара. В данном случае земной шар (globe) выступает как общее пространство, но при этом и пространство, которым наши практики неизбежно ограничены¹. Возможно, в результате освоения космоса, других планет наши социальные практики преодолеют и эту ограниченность пространства, и тогда получит развитие процесс «вселеннозаций». Например, информатиология уже установила, что глобализация неотвратима и имеет огромные перспективы развития до рамок «информатиологической и практической галактизации и вселеннозаций»². Очевидно, что в данном случае логическая структура описания пространственных характеристик взаимодействия глобальное/локальное потребует переосмысления. Однако, несмотря на начавшийся процесс освоения космоса, наши практики все же еще жестко ограничены территорией земного шара и его оболочки.

Что позволяет локальным событиям и явлениям выйти за рамки локальности? *Что делает локальности открытыми друг другу и связывает их между собой?*

Энтони Гидденс указывает на два механизма, которые позволяют социальному опыту «отрываться» от локального контекста взаимодействия и распространяться через время и пространство – символические системы и экспертные системы. Под символическими системами он понимает своеобразные символы, которые имеют стандартную ценность и понимание, поэтому могут выступать посредниками в различных многозначных контекстах. Практически единственный пример таких посредников у Гидденса – это деньги. Деньги «вырывают» социальные (экономические) отношения из пространственно-временной обусловленности локальностью. Деньги используются человечеством уже достаточно давно, почему же только в современном мире их действие имеет такой масштаб? Э. Гидденс

¹ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 60

² Юзвишин И.И. Информатиология. – М.: Радио и связь, 1996. – С. 346-347

указывает на принципиальную разницу современной и предыдущей денежной системы. Сегодня деньги потеряли свою материальность и действительно стали просто символами, приняв форму «чистой информации, как цифры в компьютере»¹. Действительно, глобальная финансовая система представляет собой виртуальные информационные системы, а глобальное движение капитала является не более чем изменением данных в компьютере. Другие символические системы Гидденс не рассматривает. Признавая саму идею роли символических систем в преодолении социальными процессами и явлениями границ локальностей, признаем, что деньги не только не единственная, но даже и не ведущая символическая система.

Второй механизм – экспертные системы – представляют собой доверие некой системе технических знаний, экспертиз, которые не зависят от того, кто ими пользуется. В данном случае «вырывание» социальных отношений из локального контекста достигается путем систематического присутствия в повседневной жизни институциональной экспертизы. Э. Гидденс считает, что рутинные занятия, например вождение автомобиля, основываются на дистанцированных отношениях доверия к различного рода экспертным системам – технологии производства автомобиля, системе организации безопасности дорожного движения и т.д. В данном случае мы полагаемся на абстрактную систему специфических знаний, а не на какого-то конкретного человека. Доверие, по Гидденсу, – это своеобразный посредник в условиях глобального взаимодействия.

Принимая принципиальную важность доверия (и комплементарного ему риска) в современных условиях взаимодействия, хотелось бы отметить, что доверие в понимании Гидденса, скорее, объясняет механизмы взаимодействия человека со все усложняющейся окружающей действительностью в эпоху модерна и постмодерна, но не механизм преодоления социальными процессами и явлениями границ локальности. Если рассматривать доверие как ключевой институт современного

¹ Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – P. 25

взаимодействия именно с точки зрения открытия локальностями своих границ, то более адекватно использовать теорию доверия известного социолога и политолога Фрэнсиса Фукуямы¹. По мнению Фукуямы, разные общества и культуры характеризует разный уровень доверия как между членами данной группы, так и между разными группами. Культуры (локальности в нашей терминологии), для которых характерна большая степень доверия к другим, более активно принимают участие в процессе межлокального взаимодействия. Современный мир в целом характеризуется гораздо более высоким уровнем доверия между различными локальностями, чем это было даже несколько десятков лет назад. Именно рост доверия, согласно теории Фукуямы, мог бы объяснить современную интенсивность взаимодействия между локальностями.

Однако вернемся к рассмотрению возможных механизмов, которые делают локальности открытыми и позволяют социальным отношениям выйти за рамки локального контекста. Механизмы, указанные Гидденсом (символические и экспертные системы), далеко не покрывают весь спектр механизмов, особенно если учитывать, что он указывает лишь на один пример символических систем – деньги. К тому же эти механизмы не являются и наиболее значимыми. По-нашему мнению, механизмов, позволяющих событиям, практикам преодолевать локальные рамки, намного больше, при этом именно их единовременное действие и интенсивность привели к качественным изменениям в отношениях между людьми, местом их проживания и их социальными и культурными практиками.

В литературе по теории глобализации отсутствует четкое выделение спектра основных таких механизмов (мы не говорим об отдельном анализе каждого из выделяемых нами ниже феноменов, который, несомненно, присутствует в специальной литературе). Большинство авторов, как правило, ограничивается указанием на различного рода потоки как механизм,

¹ См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв/ Пер. с англ. Под общ. ред. А.В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.

размывающий границы локального. Однако, по нашему мнению, связь между локальностями существует в различных модальностях, и «потоки» только одна из таких модальностей.

Предлагаем выделить несколько возможных групп механизмов, позволяющих социальным практикам преодолевать границы локального, обеспечивающие пространственно-временную компрессию, формирующие взаимосвязанный мир и глобальное пространство взаимодействия – **«механизмы детерриторизации»**. Сразу оговоримся, что все группы механизмов тесно взаимосвязаны друг с другом.

1. *Колоссальные и интенсивные потоки* товаров, капиталов, людей (туристов, мигрантов, ученых, студентов, бизнесменов, беженцев), имиджей, знаний, технологий, верований. Эти потоки беспорядочные, неструктурированные, иногда даже взаимоисключающие друг друга. Потоки не ограничены пространственными границами, они относительно легко преодолевают эти границы. Ясно, что «транснациональные» потоки товаров, капитала, людей и идей существуют уже много веков. Однако эти потоки, по крайней мере до 1960-х годов, были менее насыщены, интенсивны и двигались значительно более медленно, чем стремительные потоки товаров, идей, людей и денег, движимые современным реактивным транспортом, электронными телекоммуникациями, массивной деколонизацией и интенсивной компьютеризацией последних десятилетий. У современных потоков гораздо большая интенсивность, скорость, разноплановость и разноуровневость. Эти значительные количественные изменения и привели в итоге к качественным изменениям в окружающей действительности. Конкретная реальность «места», выраженная в терминах социокультурного контекста пространственного расположения, постепенно вытесняется сильными, но неосязаемыми символическими потоками. Потоки – децентрализованные, детерриторизованные, дематериализованные силы, которые работают против пространственной суверенности локальностей. В

диалектике места и потоков можно увидеть «трансформацию потоков власти во власть потоков», считает Э. Кастельс.¹

Для описания возможных видов потоков воспользуемся теорией А. Аппадурая, внося в нее собственные дополнения. Аппадурой выделяет пять основных видов потоков – полей, которые формируют современное глобальное социокультурное пространство: этноскейп (ethnoscapes), медиаскейп (mediascapes), техноскейп (technoscape), финанскейп (financescape), идеоскейп (ideoscape)². Суффикс -scape³ позволяет указать на расплывчатость, неустойчивость формы эти полей, а также на то, что это не объективные отношения, они зависят от исторической, лингвистической, религиозной, политической, экономической и политической ситуации, а также поведения различного рода акторов (государства, ТНК, диаспор, социальных движений и т.д.).

Под «этноскейпом» Аппадурой подразумевает поток людей, населяющих наш непостоянный мир: туристы, мигранты, беженцы, гастарбайтеры и другие путешествующие люди. Этот поток разрушает стабильность социальных отношений и перестраивает их. «Техноскейп» характеризует совокупность всех видов технологий, высоких и низких, механических и информационных, движущихся через границы. Этот поток движим не объективными факторами, а тесно связан с денежными потоками, доступностью рабочей силы, политическими интересами и т.д. «Финанскейп» как глобальный капитал представляет собой наиболее загадочный, быстрый и сложный поток. В настоящее время именно финансовая сфера является одной из наиболее глобализированных, т.к. глобальный капитал и вся мировая финансовая система существуют в форме компьютерной абстракции. «Медиаскейп» характеризует как развитие

¹ Цит. по ст.: Luke T. New Worlds Order or Neo-world Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glocalities // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 100

² См.: Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 33-39

³ Вторым компонент сложных существительных в английском языке, передающий значение «ландшафт, вид, картина», а также устаревшая форма слова «уход от реальности, побег»

электронных возможностей производить и распространять информацию (газеты, журналы, телевизионные и киностудии), так и имиджи, этими средствами создаваемые. Имиджи имеют множество модуляций в зависимости от их назначения (развлечение, информирование), носителя и формы существования (электронный, печатный), аудитории (локальной, национальной, транснациональной) и от интересов тех, кто эти имиджи продуцирует и контролирует. «Идеоскейп» также представляет собой совокупность имиджей, но они связаны с идеологией различных государств и движений. Этот поток состоит из цепочек идей, понятий типа свободы, благосостояния, прав, суверенитета, демократии и т.д.

Считаем необходимым добавить к данному перечню Аппадуря еще один очень важный вид потоков – *commodityscape*. Это глобальный поток товаров, движущийся во всех направлениях, минуя границы национальных государств, а также поток брендов, имиджей, стилей, которые в обязательном порядке сопровождают товары. Масштабность этого потока определяет не только глобальное распространение готовых товаров, но и динамичное движение различных ресурсов для производства этих товаров. С учетом того, что современное производство рассредоточено по всему миру, даже производство одного конкретного готового товара вызывает значительные потоки.

Почему потоки с такой легкостью преодолевают географическое пространство и границы? Во-первых, их движение обеспечивается и поддерживается современными коммуникационными технологиями – транспортными, медийными, информационными.

Во-вторых, такая интенсивность потоков и легкость преодоления ими границ объясняется тем, что многие из этих потоков являются «желанными» в локальностях. При этом речь идет не только о желанности с точки зрения общественной пользы, как в случае с финансовыми потоками, потоками товаров, туристов. От этих потоков, по сути, зависят функционирование и развитие большинства современных локальностей. Но и о желанности с

точки зрения общественного интереса. В данном случае речь идет о потоках информации, имиджей, идей, предоставляемых СМИ. Жизнь современного человека практически не мыслима без перманентного потока информации, имиджей и идей.

В-третьих, легкость преодоления потоками пространственных ограничений придает способ организации этих потоков. Современное общество, по мнению Э. Кастельса, представляет собой общество сетевых структур. По сетевому принципу в современном обществе организовано все – от электронных информационных сетей до мировой политической системы. Именно по этим сетям и движутся все виды потоков. Кастельс вообще называет современный мир пространством потоков, а эти потоки существуют посредством различных структур. «Сетевые структуры пространства потоков» – ключевой элемент организации современного мира. Сетевые структуры растянуты в пространстве, они практически бесконечны, т.к. всегда могут расшириться за счет новых элементов¹.

Интенсивность и направление тех или иных потоков зависят от времени и контекста. Нельзя сказать, что потоки по своей интенсивности и содержанию одинаковы во всех частях планеты. Различные локальности стимулируют одни потоки, но отгораживаются от других. Так например, датское правительство активно стимулирует приток в страну туристов, но значительно ограничивает приток мигрантов. Китай поддерживает финансовые потоки и активно инициирует глобальные потоки брендов для поддержки мирового сбыта собственной продукции, однако стремится контролировать и преграждать потоки информации, идей, имиджей, идущие с Запада.

Различные потоки могут оказывать влияние друг на друга, способствовать повышению или понижению интенсивности, влиять на содержание. Так, поток мигрантов из одной страны в другую способствует

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1990. – С. 494-498

усилению потока финансов в обратную сторону, т.к. мигранты отсылают денежные средства оставшимся на родине семьям. В настоящее время общее число лиц, живущих за пределами стран своего происхождения, превышает 130 миллионов человек. Ежегодно эмигранты переводят своим семьям около 75 миллиардов долларов¹. Поток товаров также сопровождается потоком соответствующих имиджей, идей, стимулирующих потребление данных товаров.

Существование потоков невозможно само по себе, оно обеспечивается системой средств коммуникации, которые мы и обозначим как вторую группу механизмов детерриторизации.

2. *Система средств коммуникации.* Как уже было выявлено, «сжатие» пространства происходит за счет реорганизации времени. Колоссальное уменьшение количества времени, необходимого для передачи информации, товаров и т.д. из одного места в другое, приводит к уменьшению значения пространства между данными местами.

Именно характеристики современных транспортных технологий позволяют людям (а с ними и товарам, идеям, информации) преодолевать расстояния без значительных усилий, в том числе в очень короткие временные сроки. Транспортные технологии значительно снизили значимость географической локализации процессов и явлений, позволив в очень короткий промежуток времени представителям других территорий принять участие в данных процессах или же локальному явлению быть транспортированному в другие локальности (как в случае производства и распространения товаров). Они делают физическое перемещение рутинным – чем-то ограничивающимся несколькими часами, днем. Высокоскоростные транспортные технологии позволяют людям не уделять принципиального внимания расстоянию между пунктами.

¹ Шишков Ю. Два лица глобализации [Электронный ресурс]: Он-лайн версия научно-популярного журнала «Наука и жизнь». – Режим доступа: <http://nauka.relis.ru/02/0012/02012048.htm>

Современные транспортные коммуникации переводят ощущение пространства в ощущение времени. Так, по мнению Д. Томлинсона, современные самолеты представляют собой «временные капсулы»¹. Феноменологически наше путешествие на самолете – это в большей степени путешествие через время, а не через пространство. Современные люди измеряют расстояние в часах полета.

Еще большее значение в придании локальным событиям, процессам глобального статуса имеют информационные медийные технологии. Эти технологии, в принципе, нивелируют значение пространства. При этом уровень развития современных коммуникационных технологий не просто позволяет переносить информацию в кратчайшие сроки или общаться в режиме реального времени вне зависимости от территориальной удаленности коммуникантов, но придает локальным событиям глобальное освещение и статус. Благодаря современным средствам коммуникации в повседневную рутинную локальную практику людей входят имиджи, идеи, информация, ценности, проблемы, люди из очень отдаленных от нас территорий. «Если внешность Нельсона Манделы нам знакома лучше, чем лицо соседа, живущего напротив, значит что-то изменилось в самом характере нашей повседневности», – пишет Э. Гидденс².

Можно сказать, что медийные технологии в несколько даже большей степени «сжимают» пространство, позволяют локальным событиям приобрести глобальный статус, а глобальным событиям войти в локальную жизнь. Если при использовании транспортных технологий все же затрачивается определенное осязаемое время, то современные электронные технологии позволяют передавать информацию и устанавливать коммуникацию в режиме реального времени.

Указывая на колоссальные возможности СМИ, один из ведущих теоретиков глобализации М. Фезерстоун писал: «Новые коммуникационные

¹ Tomlinson J. *Globalization and Culture*. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 4

² Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь* / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – С. 28

технологии формируют новое сообщество, которое превосходит границы физического и географического пространства, связывая вместе разъединенные в пространстве группы просто через общий опыт просмотра телевизора и использования средств коммуникации»¹.

3. *Транснациональные организации.* Если глобализация характеризует оторванность процессов от локального контекста взаимодействия, то транснациональные организации можно назвать «деконтекстуализирующими» институтами. Ключевой характеристикой транснациональных организаций является их существование вне рамок национальных границ, их независимость от какой-либо конкретной локальности. Глобальная сеть правительственных и неправительственных организаций привела к распространению таких феноменов, как «локальная борьба с глобальной поддержкой» и «локальные проблемы для глобального решения»².

Транснациональные организации можно разделить на два типа.

Первый – это транснациональные корпорации (ТНК). Организационная структура ТНК имеет супранациональные характеристики, т.е. ее функционирование не имеет принципиальной зависимости от конкретной локальности, конкретного национального государства, национальной культуры³. Разные стадии производства и разные функции менеджмента в рамках ТНК, как правило, локализованы в разных странах. Например, британский концерн «Юниливер», имеющий 500 компаний в 75 странах мира, может быть назван британским лишь условно⁴.

ТНК доминируют практически во всех секторах современного глобального рынка производства товаров и услуг (от продовольственных товаров до консалтинговых фирм), и их доля в общемировом производстве только увеличивается. По разным оценкам, от 33% до 40% международной

¹ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. - Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 63

² Wilson R., Dissanayake W. Tracking the Global/Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 3

³ Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – P. 218

⁴ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002. – С. 19

торговли – это внутрифирменная торговля, то есть передача необходимых для производственных процессов комплектующих из одного подразделения ТНК в другое¹.

ТНК – это не только продукт и пример глобализации, это один из ее основных инструментов. Благодаря своей организационной структуре ТНК придают локальным процессам и явлениям глобальный статус. По сути, ТНК – это центр, аккумулирующий локальные ресурсы и распределяющий их глобально. Это своеобразный посредник, который включает локальные производственные процессы в глобальную сеть, придает локальным процессам глобальный статус. Так, товары местного предприятия, четко локализованного в пространстве и времени, благодаря его включенности в структуру ТНК получают глобальное распространение. Именно ТНК инициируют большую часть глобальных потоков товаров, финансов, информации, имиджей. Как сотрудники ТНК или компаний, аффилированных с ними, люди также включаются в глобальные отношения.

Рассматривая ТНК как механизм, связывающий локальности и позволяющий локальным феноменам получать глобальный статус, необходимо остановиться и на уже рассмотренном нами принципе сетевой структуры Э. Кастельса. Современные крупные корпорации образуют своеобразную глобальную сеть как в географическом смысле (включение локальных предприятий в глобальную экономическую сеть, распространение своих товаров по сетевому принципу по всему миру), так и в организационном (внутренняя структура). Благодаря сетевому устройству современных ТНК (как их внутренней структуре, так и системе внешних взаимодействий) происходит глобальное «растекание» потоков (финансов, товаров, информации, людей).

¹ Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]: Сайт Факультета социологии СПбГУ. – Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml

ТНК образуют сетевые структуры и в социо-культурном смысле, что подразумевает сеть контактов между бизнесменами по всему миру.¹ Именно сетевое устройство ТНК способствовало формированию так называемой глобальной деловой культуры, или, как ее называют американский социолог П. Бергер и политолог С. Хантингтон, «давосской культуры»². Помимо формирования и распространения мировой деловой культуры, сетевое устройство ТНК способствовало формированию и внешней инфраструктурной оболочки данной культуры – это мировые сети отелей, ресторанов, деловой прессы, международных аэропортов – всего того, что многие относят к явным свидетельствам гомогенной глобальной культуры. Тот же П. Бергер называет «давосскую культуру» одним из основных двигателей глобализации³.

ТНК стоят в центре и другого аспекта глобальной культуры – глобальной массовой культуры. Как основные проводники глобальных потоков товаров и услуг ТНК инициируют и соответствующий поток брендов, имиджей, стилей жизни, ценностных установок. Символические потоки в данном случае призваны поддержать и стимулировать глобальные потоки товаров и услуг.

Ко второму типу транснациональных организаций относятся международные правительственные (МПО) и неправительственные организации (МНО).

Одним из основных институтов, организующих мировое социально-географическое пространство человека, достаточно долгое время являлось государство-нация, а также схожие с ним институты. Национальное государство – это один из наиболее ярких примеров сильной взаимосвязи географического и социального пространства. Современный же мир вынуждает страны сотрудничать в решении проблем, с которыми

¹ Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – P. 104

² Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 10-11

³ См.: Berger P. Four Faces of Global Culture // National Interest, 1997. – Vol.49. – P.23-29

первоначально они стремились справляться самостоятельно. Для установления и реализации этого сотрудничества и организуются различного рода международные межправительственные организации, которым государства делегируют часть своих полномочий и суверенитета.

При этом МПО не только являются следствием глобальной взаимозависимости, но и одним из основных инструментов формирования единой глобальной мировой системы с нивелированными социально-географическими границами. Развитая сеть международных правительственных организаций глубоко трансформирует пространственную организацию политических отношений. Они формируют трансконтинентальные и трансрегиональные потоки и сети действий, обменов и властных отношений с серьезными последствиями для процессов принятия решений¹.

Решения и действия данных транснациональных правительственных организаций изначально имеют глобальный характер. Этот характер определяется и по принципу принятия этих решений, и по масштабу их действия.

Решение, принятое на глобальном уровне при участии различных государств, в конечном итоге реализуется на территории и влияет на функционирование вполне конкретного локального образования (государства, региона). Таким образом, международные правительственные организации предоставляют официальный механизм вмешательства в жизнь и развитие локального образования (государства, региона) других локальностей, делают их «открытыми».

Международные правительственные и неправительственные организации распространяют свою деятельность на многие области общественной жизни, способствуя интеграции и преодолению границ всех видов локальных пространств. Сеть транснациональных правительственных

¹ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 6

и неправительственных организаций реализует свою власть через формирование глобальных норм, глобальных правил игры, которые выражаются как в форме официальных международных правовых норм, договоров и соглашений, так и в форме квази-формальных норм, целей и определений, в рамках которых формируются и оцениваются действия акторов (например, ценности либеральной демократии, угрозы миру Болонский процесс и т.д.).

Любой значимый международный конфликт сегодня – это конфликт глобальный, поскольку развивается он не в рамках и не исключительно силами и средствами тех или иных государств, на территории которых может непосредственно возникать, а с неизбежным вовлечением в него и других акторов, и улаживается он не в относительно «малоформатном», а в транснациональном контексте.

Анализ процесса и механизмов формирования глобального пространства показал, что локальность предполагает четкую определенность процессов и явлений во времени и пространстве, его ограниченность и обусловленность контекстом взаимодействия, реалиями конкретного места. Преодолевая обусловленность местом действия, выходя за рамки ограниченного локального пространства, процессы, практики приобретают «глобальный» характер. Освобождение от связи с конкретным местом, конкретной локальностью при этом предполагает не только распространение действий данного процесса на множество других локальностей, не связанных между собой территориальной близостью, но и обусловленность процесса пространственно дистанцированными от него факторами, явлениями и процессами. Преодолевать рамки локального контекста, открывать локальности и формировать взаимосвязанное глобальное пространство позволяют выделенные нами так называемые «механизмы детерриторизации»: глобальные разнородные интенсивные разнонаправленные потоки товаров, людей, информации, имиджей, идей, установок; глобальные коммуникационные сети, эти потоки проводящие и

обеспечивающие; а также транснациональные правительственные и неправительственные «институты детерриторизации», которые эти потоки иницируют, поддерживают и организуют.

Как мы выяснили в предыдущей главе, в результате развития коммуникационных технологий произошло становление комплексного мира, характеризующегося ситуацией пространственно-временной компрессии, состоянием близости и взаимосвязанности. Такое состояние привело к появлению феномена глобальности и поставило перед локальностями проблему существования в условиях этой глобальности и взаимодействия с глобальными феноменами. Взаимодействие глобального и локального является одной из важнейших проблем современной науки и социальной практики. От понимания сути взаимодействия частей дихотомии «глобальное/локальное» зависит понимание логики развития глобализационных процессов, что в свою очередь оказывает влияние на принятие решений относительно стратегий поведения в условиях глобализации. В следующей главе будут проанализированы отношения между «глобальным» и «локальным», влияние этих отношений на общее направление глобализационных процессов, а также их проявление в современной социальной практике. Целью главы будут выявление и демонстрация противоречивости глобально-локальных отношений, наличие феномена глокализации, представляющего одновременное сосуществование процессов гомогенизации и гетерогенизации, глобализации локального и локализации глобального.

2. «ГЛОБАЛЬНОЕ» VS «ЛОКАЛЬНОЕ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

2.1. Риски монополии «глобального» и тенденции гомогенизации современного общества

...многие видят в глобализации американизации непрошенного гостя: ты выставляешь его за дверь, а он лезет в окно. Ты стараешься закрыть перед ним окно, а он проникает, проведя к тебе кабель. Ты обрезаешь кабель, а этот гость вместе с Интернетом возникает на экране благодаря телефонному проводу. Ты рвешь телефонный провод, а он уже на экране телевизора или компьютера. Ты отключаешь экран, а непрошенный гость уже на твоём рабочем месте и в дверях фабрики...¹

Современное социальное пространство, как мы показали, формируют различного вида и направления глобальные потоки, коммуникационные технологии, эти потоки проводящие и обеспечивающие, а также транснациональные правительственные и неправительственные «институты деконтекстуализации», которые эти потоки инициируют, поддерживают и организуют.

Для понимания сути взаимоотношений «глобального» и «локального» принципиальными являются вопросы о том, что наполняет эти глобальные потоки, кто и как инициирует их и управляет ими.

Одной из основных характеристик глобальных потоков, коммуникационных технологий и транснациональных корпораций, организаций является их глобальное распространение, сетевой принцип организации и функционирования, т.е. одновременное повсеместное присутствие. Даже с учетом того, что глобальные потоки через глобальные коммуникационные технологии распространяют гетерогенный набор различных форм и привносят в локальности внешние для них элементы, тем самым повышая их разнообразие, этот набор будет в определенной степени одинаковым по всему миру. Соответственно сама логика сетевой организации механизмов детерриторизации и деконтекстуализации, их одновременное повсеместное присутствие предполагают появление гомогенизационных тенденций. Глобальные потоки посредством глобальных

¹ Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000. – P. 395

коммуникационных сетей и транснациональных корпораций и институтов проходят сквозь локальные границы и распространяют по всему миру одинаковый набор информации, товаров, брендов, символов, имиджей, капиталов, ценностей, установок, стилей и т.д.

В рамках синергетических систем, к которым относится и наш мир, на начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Это феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их содержательной гетерогенности. Однако в дальнейшем, как пишет В. Кутырев, «при отсутствии противонаправленных усилий процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми и вся система – гомогенной». Именно такая ситуация возможна в рамках современного глобального пространства. Современный мир как комплексная система «переходит в органическое состояние»¹.

В условиях глобализации идут сильные процессы гомогенизации глобального социального пространства (на тенденции гомогенизации и универсализации указывают все ученые-гиперглобалисты, наличие гомогенизирующих сил не отрицают и трансформисты), при этом тенденции гомогенизации являются имманентным свойством институтов детерриторизации и деконтекстуализации.

Гомогенность глобального социального пространства связана не только с одинаковым содержанием потоков. Общий, распространенный по всему миру набор ценностей, образов, взглядов, идеологий в конечном итоге приводит к феномену, который может быть назван изоморфизмом². Пропитанные схожими наборами установок, взглядов, ценностей локальности порождают одинаковые институты, организационные

¹ Кутырев В.А. Культурологический смысл глобализма [Электронный ресурс]: Философский портал. Библиотека сайта Российского философского общества. – 2006. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html>

² Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. June 2000. Vol. 15 (2). – P. 156; Robertson R., Khondlker H. H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. – Vol. 13 (1). – P. 30

структуры, поведение и практики. Например, в большинстве стран мира существуют достаточно схожие системы образования, институты управления, рыночные институты. Таким образом, глобальное гомогенное социальное пространство – это не только глобальные потоки, но и порожденные ими изоморфические схожести структур и практик.

Гомогенизация касается всех сфер современной жизни. Российский специалист по экономическим аспектам глобализации А. Уткин считает, что «глобализация означает гомогенизацию жизни: цены, продукты, уровень и качество здравоохранения, уровень доходов, процентные банковские ставки имеют в данном случае тенденцию к выравниванию на мировом уровне». Мировая экономика, по его мнению, не просто становится взаимозависимой, она интегрируется в практически единое целое. «Понижая барьеры между суверенными государствами, глобализация трансформирует внутренние социальные отношения, жестко дисциплинирует все «особенное», требующее «снисходительного» отношения и общественной опеки, она разрушает культурные табу, жестко отсекает всякий партикуляризм, безжалостно наказывает неэффективность и поощряет международных чемпионов эффективности»¹. Правилom этого единого экономического целого становится «один размер для всех»².

Глобальные потоки информации, символов, ценностей, установок, стилей жизни пронизывают локальные культуры. Л. Федорова указывает, что в результате этого начинает проявляться эффект культурной диффузии³. Происходит определенное «схождение культур», и формируется транснациональная культура, гомогенизированная в своих проявлениях. Это выражается в стирании различий в образе жизни людей разных культур, уподоблении системы ценностей, эстетических и художественных вкусов, в утере языковых отличий за счет распространения языков межнационального

¹ Уткин А.И. Глобализация // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 182

² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002. – С. 21

³ Федорова Л.Г. Унификации культур // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 1045

и межкультурного общения. «Интегративная суперкультура поглощает разнообразие локальных культур. Мы сможем понять любого человека в любой точке Земли, но лишь на уровне совпадения или даже тождественности смыслов... Гипотетично, в будущем – это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Царство мертвой тождественности при огромной внешней активности»¹. Так характеризует тенденции гомогенизации в сфере культуры В. Миронов. Значительную роль в процессе гомогенизации, указывает Л. Федорова, играют и такие механизмы социальной психологии, как заражение и подражание, «приводимые в действие в результате не критического восприятия людьми «культурных образцов», перебрасываемых из культуры в культуру»².

В условиях глобализированной экономики и культуры у современного человека формируются одинаковые социокультурные стереотипы, ибо каждый получает примерно один и тот же набор информации через телевидение, кино, Интернет и другие СМИ. «Унифицированность миллионов людей планеты, принадлежащих к самым разным слоям населения, формируется миром однообразия массовой культуры, которая распадается на бесконечное множество фрагментов, не принадлежащих единой системе ценностей»³.

Констатируя тенденции гомогенизации посредством глобальных потоков, мы должны уточнить содержание этих глобальных потоков и, как следствие, конечный итог тенденций унификации.

В современных глобализационных процессах многие ученые увидели объективные тенденции формирования единой общечеловеческой культуры, основанной на универсальных ценностях. «Глобализация... представляет

¹ Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С.36

² Федорова Унификации культур // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 1045

³ Астафьева О.Н. Массовая культура // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 541

собой закономерный результат социальной эволюции... исходящие от глобализации импульсы являются предвестниками формирования глобальной цивилизации... [ее] внешнюю (материальную) оболочку... представляет собою мировая экономика, а ее внутреннее (духовное) ядро – система общечеловеческих ценностей», – считает В. Мантатов¹. Как утверждает один из соавторов энциклопедии по глобалистике В.И. Толстых, «эпоха глобального мира – это время и шанс претворить идею человеческого всеединства в реальность»². Другой соавтор К.З. Акопян, определяя глобализацию культуры, пишет, что это «процесс формирования единой общечеловеческой (планетарной, всемирной) культуры как результат реализации изначально заложенных в ней глобализационных тенденций»³. Глобальная культура в данном случае трактуется как «общечеловеческая культура, основанная на универсальных ценностях, нивелирующая локальные культурные противоречия, а культурная глобализация – как процесс формирования такой единой общечеловеческой культуры»⁴. Необходимо сразу отметить, что в данной работе мы используем широкое понимание культуры как образа жизни в целом, в таком понимании культура включает в себя и политику, и экономику, и другие виды социальных отношений.

Однако возможность появления такой общемировой культуры, глобальной цивилизации и глобального гражданского общества на основе универсальной системы ценностей вызывает значительные сомнения. Первое сомнение выражают специалисты в области культуры, утверждая, что, в отличие от национальной культуры и национального государства, глобальная культура изначально лишена памяти. «Тогда как нация формируется на основе общего опыта и потребностей, то у глобальной культуры этого нет ... Не существует мировых воспоминаний, которые могли бы быть использованы для объединения человечества; большинство глобального

¹ Мантатов В.В. От глобализации к глобальной цивилизации // Вестник РФО. – 2002. – № 4. – С. 102

² Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 188

³ Там же, с.196,

⁴ Там же, с.169

опыта на настоящий момент – колониализм и мировые войны – может только служить напоминанием о наших исторических расколах», – утверждает один из ведущих специалистов этой области А. Смит¹.

Второе сомнение связано с возможностью выделить универсальные ценности, т.к. различные культуры совершенно по-разному трактуют даже такие универсалии как любовь, справедливость и т.д. Более того, так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной культурой, утверждают многие ученые, да и сама идея универсализма имеет западное происхождение. Известный политический философ Джон Грей считает, что современная глобализация – это, по сути, придание универсального статуса принципам и идеям Просвещения: гуманизм, не ограниченный временем прогресс, контроль над природой, рационализм, индивидуализм². Грей утверждает, что универсализм – это проекция западных ценностей на все остальные мировые культуры; это локальные ценности, замаскированные под универсальные. Позицию Грея в том или ином виде поддерживают многие зарубежные и российские философы (С. Латош, А. Гидденс, П. Бергер, С. Хантингтон, Б. Барбер, В. Кутырев, В. Иноземцев, А. Панарин, Н. Покровский, И. Чубайс, Э. Азроянц, и др.). Так, Серж Латош пишет, что основная черта западных ценностей – это претензия на универсальность³. Таким образом, то, что сегодня многими преподносится как универсальные ценности, имеет западное происхождение и трактовку.

Следующим предположением может быть идея о том, что глобальные потоки состоят из равнозначной совокупности практик и элементов множества локальностей, больших и малых. В идеале каждая локальность получает возможность глобального распространения своих форм посредством глобальных технологий. Каждая локальность в равной степени

¹ Цит. по: Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 52

² Gray J. Endgames: Questions in late modern political thought. – Cambridge: Polity Press.– P. 161

³ Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – P. 34

должна быть включена в глобальные взаимозависимости и должна испытывать на себе воздействие других культур.

Так, М. Уотерс считает, что абсолютная глобализация культуры могла бы привести к созданию общего, но гипердифференцированного поля ценностей, вкусов, стилей, доступных для каждого человека независимо от цели – самовыражение или потребление¹. В условиях такой глобальной культуры ислам, например, был бы не только связан с конкретными территориально локализованными обществами на Ближнем Востоке, северной Африки и Азии, но и доступен по всему миру в различных степенях «ортодоксальности».

Однако глобализация не является исключительно объективным процессом, достаточно большую роль в нем играют *субъективные факторы, связанные с действиями конкретных акторов*. «Ценностные предпочтения одного типа культуры посредством развития информационных сетей, экономической интернационализации и других каналов распространения форм и образов жизни будут навязаны всему мировому сообществу, что действительно может привести к унификации и ослаблению этнокультурного разнообразия»².

Любая система предполагает возможность наличия или появления в ней доминирующей подсистемы, которая через влияние на ключевые элементы системы оказывает принципиальное влияние на состояние, развитие и функционирование всей системы. Таким образом, возможно влияние отдельных акторов на ход изначально объективных глобализационных процессов. Оно может быть реализовано через влияние на основные механизмы формирования глобального пространства. Во-первых, влияние может быть оказано посредством доминирующей или более значимой роли и функции в работе транснациональных правительственных или неправительственных организаций. Как правило, это происходит через

¹ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 126

² Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. Взаимодействие культур // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 110

изначальное инициирование создания данного института, что позволяет заложить субъективные основания в его структуру, направления деятельности, принципы и правила функционирования. Во-вторых, ТНК как одни из основных контролеров глобальных потоков изначально организуются в рамках одной конкретной локальности и лишь в процессе своей деятельности расширяются до транснациональных масштабов. В-третьих, локальности могут контролировать или владеть глобальными коммуникационными сетями. Благодаря такой роли в транснациональных корпорациях и организациях, глобальных коммуникационных сетях отдельные локальности могут оказывать целенаправленное или нецеленаправленное влияние на содержание, интенсивность и направление глобальных потоков. Это может привести к ситуации, когда одна локальность претендует на расширение до глобального масштаба.

Подавляющее большинство авторов, занимающихся изучением глобализационных процессов, признают, хоть и с различными оговорками, что ведущую роль в них играют западные страны, в частности США (П. Бергер, С. Хантингтон, С. Латош, М. Феазерстоун, Б. Барбер, Э. Уолерстайн, Л. Склэр, Э. Гидденс, Д. Грей, Г. Шиллер, А. Панарин, М. Делягин, И. Чубайс, В. Миронов, О. Астафьева, Э. Азроянц, В. Иноземцев, Н. Покровский). Указание на западное доминирование в глобализационных процессах проявилось в появлении и распространении в научном дискурсе таких терминов-концепций, как «вестернизация», «американизация», «кока-колонизация», «макдоналдизация» и др. Концепции вестернизации и американизации не только указывают на гомогенизационные тенденции и стирание локальных различий под давлением глобальных потоков, но и на подавляющую принадлежность этих потоков одной единственной локальности – Западу, и в частности США. Так, Н. Покровский, анализируя характер глобализации, констатирует, что «глобализация выступает в форме

американизации. Как, впрочем, можно утверждать и обратное – американизация и есть глобализация»¹.

Гомогенизация на основе вестернизации распространяет свое действие на все сферы. Согласно Л. Склэр, транснациональные практики оперируют на трех уровнях – экономическом, политическом и культурно-идеологическом. «Есть только одна страна – Соединенные Штаты, чьи представители, агенты и организации доминируют во всех трех уровнях»².

Принципиальное значение имеет то, что под Западом в данном случае понимается не просто совокупность развитых стран, представленных Западной Европой и Северной Америкой, а ценности и институты, эту совокупность представляющие. Французский ученый Серж Латош, автор известной книги «Вестернизация мира», пишет, что «Запад больше не означает Европу, ни географически, ни исторически, это также больше и не система ценностей, разделяемых группой людей, рассыпанных по миру»³. Определяя вестернизацию, С. Латош говорит, что это больше не реальное присутствие представителей Запада на других территориях (как это было в колониальные времена). Это доминирование базируется на символической власти, а «оно более коварно и менее подвержено оспариванию». Эти агенты доминирования – наука, технологии, экономика и система взглядов, на которых все это базируется (ценности прогресса)⁴.

Один из наиболее последовательных сторонников концепции вестернизации Б. Барбер, автор знаменитой книги «Джихад против Макмира», указывает на «экономические, технологические и экологические силы, которые требуют интеграцию и единообразие и которые гипнотизируют людей посредством быстрой музыки, быстрых компьютеров и быстрой еды – MTV, Macintosh и McDonald's – стягивая нации в один

¹ Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 5

² Sklair Leslie. Sociology of the global system. – New York: Harvester Wheatsheaf, 1991. – P. 7

³ Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – P. 3

⁴ Там же, с. 17

гомогенный глобальный парк, один Макдональдс, связанные через коммуникации, информацию, развлечение и коммерцию»¹.

В целом под вестернизацией в научном дискурсе подразумевается целая серия различных процессов и явлений, считает Д. Томлинсон: повсеместное «распространение европейских языков (в частности английского) и потребительской культуры «западного» капитализма... стиль одежды, привычки в еде, архитектурные и музыкальные формы, усвоение урбанистического стиля жизни, основанного на индустриальном производстве, культурные модели, созданные СМИ, серия философских идей, культурных ценностей и трактовок – относительно личной свободы, гендера и сексуальности, прав человека, политического процесса, религии, науки и технологической рациональности и т.д.»².

Можно выделить несколько *основных аспектов проявления и причин гомогенизации на основе вестернизации*.

Во-первых, это масштабный поток символов, имиджей, ценностей, понятий из развитых стран во все остальные. М. Уотерс считает, что именно масс-медиа формируют так называемую глобальную культуру «посредством единого контента потоков и посредством единого глобального языка»³. Такой масштабный поток основывается на доминирующем положении западных стран, в частности США, в мировом коммуникативном пространстве.

США на настоящий момент являются бесспорным лидером глобального медиарынка. 19 из 40 ведущих глобальных медиакорпораций – это компании США. 7 мировых медиакорпораций по территории охвата покрывают действительно всю территорию земного шара, 5 из них имеют штаб-квартиру в США. При этом США не только контролируют основные глобальные медиакорпорации, но, что еще более важно, они также являются лидерами по производству и импорту медиаконтента. Так, около 50% общего

¹ Barber B. Jihad vs. McWorld. – N.Y.: Ballantine Books, 1996. – P. 4

² Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 89

³ Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 149

телевизионного эфира Западной Европы занято программами производства США (без учета программ, сделанных по американским программным шаблонам), в Латинской Америке эта цифра достигает 75%. Около 60% всех фильмов и сериалов, показанных на европейских телеканалах, произведено в США¹. Многие могут сказать, что факт производства фильма или программы в США не говорит о том, что этот фильм обязательно отражает американские ценности. Однако если сценаристы, режиссеры и продюсеры фильмов и программ являются носителями американской культуры, то продукт, ими произведенный, в любом случае будет эти американские ценности отражать.

Во-вторых, считают сторонники концепции вестернизации, западные культурные элементы в их символической (имиджи, идеи, ценности) и материальной форме (товары) пассивно потребляются другими локальностями. У. Ханнерц отмечает: «Когда центр говорит, периферия слушает и в большинстве случаев не отвечает обратно»². Более того, эти огромные потоки с Запада полностью «наводняют» локальные культуры и вытесняют локальные ценности и значения. С. Латош указывает, что потоки культурных форм «являются даром, от которого нельзя отказаться и который свидетельствует о колоссальной жизнестойкости развитых обществ, но который задавливает любую культурную активность среди пассивных получателей этих форм»³.

Такая «наводненность» объясняется двумя причинами. Западные страны, США в особенности, сегодня объективно являются ведущими странами мира по всем параметрам. Многие культуры и частные индивиды приписывают такое положение именно соответствующей западной системе культурных (в сочетании с политическими, экономическими) ценностей, поэтому стараются внедрить эту систему ценностей и институтов у себя. Западная культура во всех ее проявлениях (информационных продуктах,

¹ См.: Chalaby J.K. American cultural primacy in a new media order // The international communication gazette. – Vol. 68 (1), 2006. – P. 33-51

² Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – P. 219

³ Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – P. 21

материальных товарах, системе ценностей) является по этой причине очень привлекательной для большинства людей.

Западные страны изначально обладают большими техническими способностями по сравнению с другими, особенно незападными странами: более развиты коммуникационные, транспортные, социальные, гуманитарные технологии, что делает их культурно-информационную продукцию более конкурентоспособной.¹ Медиа контент, произведенный в США, в настоящее время составляет большую часть глобальных информационных потоков и по той простой причине, что его «качество» значительно выше того, что предлагают другие локальные культуры. Это же касается и силы брендов и имиджей, сопровождающих товары массового потребления, произведенные американскими корпорациями. Доминирование американских медиатоваров можно объяснить и тем, что другие культуры просто не могут предложить чего-то столь же сильного и конкурентоспособного.

Ярый критик процессов вестернизации Б. Барбер приводит емкую метафору американского влияния на остальные культуры. «Проблема в том, что когда Америка встречает другую культуру, это не встреча двух парней в лесу. Это не просто американец, одетый в Nike и жующий гамбургер, встречает нигерийца, который напевает народную мелодию, и у них происходит небольшой обмен, в результате которого американец становится немного нигерийским, а нигериец более американским, и все при этом становятся лучше. Это американец, вооруженный, как солдат в Ираке, всеми своими товарами, брендами и новыми технологиями, современной коммерцией, мягкой и жесткой властью, гегемонией в мировой экономике, лучшей армией мира. И эта культура встречает маленькую культуру Третьего мира, у которой накидки Навайо и музыка фьюджн, которую все мы так любим слушать»².

¹ Beyer P. Globalizing Systems, Global Cultural Models and religion(s) // International Sociology. March 1998. – Vol. 13 (1). – P. 84

² Globalization and Culture // Cato Policy Report. May/June 2003. – P. 10

В-третьих, согласно концепции вестернизации, происходят глобальная гомогенизация и стирание культурных различий через глобальное распространение массовой культуры, основанной на стандартизированном массовом производстве и культуре потребления. При этом основную часть товаров глобального потребления представляют товары, сделанные или непосредственно в США, или компаниями корпораций со штаб-квартирой в США, или по заказу американских компаний, или имитирующие американские товары¹. Но самое важное, что это не просто материальные товары, это сильные имиджи и бренды, которые несут за собой совершенно определенные ценности, стили жизни, поведенческие модели и установки.

Американизация, западный культурный империализм, кока-колонизация подразумевают, что культура потребления, сформировавшаяся в США в середине 20 века, через СМИ была распространена по всему миру. Необходимо отметить, что консюмеризм – больше, чем просто потребление. В культуре консюмеризма потребление основывается на символической, а не на материальной стоимости товара. Это стимулирование покупателей «хотеть» больше, чем им «нужно». В рамках культуры консюмеризма потребление становится ведущей формой самовыражения и источником идентичности. По причине своей символической основы консюмеризм освобождает ценности и предпочтения от частных социальных и географических локальностей.

Именно при рассмотрении глобализации как процесса гомогенизации и распространения массовой культуры потребления появились такие понятия как «кока-колонизация» (Д. Ховес), «макдизнеизация» (Д. Ритцер и А. Лиска), «культурная синхронизация» (С. Хамерлинк).

В-четвертых, вестернизация предполагает глобальное распространение институтов модерна и капиталистической системы. Сама же модернизация изначально имеет западное происхождение.

¹ Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 140 p.

Одной из основных характеристик модерна, которая распространяется по миру и вызывает у ученых опасение, является гипертрофированная рациональность (С. Латош, Б. Барбер, Дж. Ритцер, В. Кутырев). «Глобализм – это универсальный технологизм», – считает В. Кутырев¹.

Наиболее полно эта мысль развита в известной работе американского социолога Дж. Ритцера «Макдоналдизация общества». Дж. Ритцер рассматривает глобализацию как процесс макдоналдизации – «процесс, при котором принципы ресторана быстрого питания становятся доминирующими во все больших секторах американского общества и всего мира»². Принципы следующие. Эффективность (efficiency) – макдоналдизация сжимает время и усилия, которые необходимы для удовлетворения желания. Калькулируемость (calculability) – поощрение подсчета финансовых, временных затрат и усилий как ключевых принципов в определении потребительской ценности товара, замещающих на этом месте качество. Предсказуемость (predictability) – такая стандартизация продукции, при которой покупатель поощряется не искать альтернативы. Контроль человеческих действий посредством материальных технологий – это не только минимальное использование умственных способностей работников, но и контроль поведения потребителей посредством барьеров для контроля очереди, фиксированные дисплеи меню, ограниченный выбор, некомфортабельные места и т.д. По мнению Ритцера, эта модель получает все большее распространение не только в производстве, но и во всех сферах жизни современного общества – медицине, образовании, сфере масс-медиа и др. Очевидно, что глобальное распространение такой модели, макдоналдизация мира, ведет не только к рационализации, упрощению и схематизации процесса взаимодействия, но и к глобальной стандартизации и конформизму.

¹ Кутырев В. А. Культурологический смысл глобализма [Электронный ресурс]: Философский портал. Библиотека сайта Российского философского общества. – 2006. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html>

² Ritzer G. The MacDonaldization of society. – Newbury Park, Calif.: Pine Forge Press. – P. 7-13

В-пятых, вестернизация проявляется в распространении западной системы социо-политических ценностей и институтов (либеральная демократия, права человека, личная свобода и др.). Мы уже рассматривали утверждение о том, что эти «универсальные» ценности и институты имеют четко выраженное западное происхождение. Проблема глобального распространения этих ценностей также выражается и в уже известном нам изоморфизме, когда пропитанные единой системой ценностей локальности порождают схожие институты и системы.

Исходя из логики вестернизации, глобализация является субъективным процессом, развивающимся в интересах конкретных акторов (С. Латош, И. Чубайс, Б. Барбер). Однако анализ показывает, что глобализация изначально является процессом объективным, вызванным интенсивным развитием коммуникаций и последующей пространственно-временной компрессией. При этом стоит согласиться, что на современное развитие этого объективного процесса оказывают влияние субъективные факторы, связанные с конкретными стратегиями и практиками отдельных локальных акторов.

Почему поддержка и стимулирование глобализационных процессов представляют такой интерес для отдельных локальностей? Логика капиталистического производства (эффект масштаба, стремление к расширению рынков сбыта) стимулирует развитие массового производства, которое может быть основано только на соответствующем схожем по своим масштабам спросе. Для обеспечения данного спроса ТНК с помощью системы глобальных СМИ и формируют схожие вкусы, потребности, ценности и предпочтения по всему миру. Сама суть современной глобальной экономики порождает зависимость экономик стран от возможностей информационного (а следовательно, и культурного) экспорта. Стремление к гомогенизации на основе вестернизации может объясняться и вполне конкретными геополитическими целями. Культура на настоящий момент является гораздо более сильным и важным оружием, чем реальное

вооружение¹. Соответственно, политические стратегии акторов, стремящихся влиять на ход глобальных политических процессов, выражаются, прежде всего, в их информационно-культурных стратегиях. «Схожесть во вкусах упрощает процесс нахождения общего языка в политике», – утверждает Б. Барбер².

Как бы мы ни рассматривали глобализацию – как объективный процесс формирования универсальной мировой культуры или как субъективный процесс вестернизации, так или иначе констатируются тенденции гомогенизации и подавления глобального (будь то «универсальное» или «западное с претензией на универсальное»). «Отличие заключено лишь в одном, – указывает В. Иноземцев, – но принципиальном моменте: у вестернизации есть субъект, и потому этот процесс не ведет к формированию «сетевых» общества, не утверждает равенства и братства, а создает мир, управляемый из единого центра на основе единых принципов».³

Анализируя содержание глобальных потоков и влияние его характера на локальности, мы выяснили, что содержание глобальных потоков представляет совокупность различных элементов различного уровня локальностей. Эти потоки посредством глобальных коммуникационных технологий и «институтов деконтекстуализации» (ТНК, международных правительственных организаций) распространяют по всему миру единый набор ценностей, информации, товаров и институтов, что может привести к гомогенизации и исчезновению локальных различий. Теоретически все локальности имеют возможность быть представленными в данных потоках, однако ряд субъективных факторов привел к тому, что в этих потоках доминируют элементы лишь ограниченного числа локальностей, которые также контролируют и значительную долю глобальных СМК и ТНК. В

¹ Barber B. Jihad vs. McWorld // Atlantic Monthly; March 1992, Vol. 269 Issue 3. – P. 56

² Berger P. Four faces of global culture // National Interest, 1997. – Vol.49. – P.23-29

³ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как имериканизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 60-61

данном случае считаем необходимым в определенной степени согласиться с теориями гомогенизации и вестернизации.

Однако отношения «глобального» и «локального» значительно более сложные. Тенденции гомогенизации, универсализации и исчезновения локального под давлением глобального – лишь одна из сторон глобализации, хотя и имеющая огромное значение и вызывающая серьезные опасения. В следующем параграфе мы ставим задачу показать неоднозначность и амбивалентность отношений глобального и локального, одновременность тенденций гомогенизации и гетерогенизации.

2.2. Взаимовлияние и взаимозависимость «глобального» и «локального»

Контрастность глобального и локального основывается на том факте, что они обязательно подразумевают друг друга... так что глобализация не мыслима без второго элемента [локального].

П. Бейер¹

Признавая существование тенденций гомогенизации (включая гомогенизации на основе вестернизации) и возможности глобального подавлять локальное, мы исходим из того, что существование дихотомии глобальное/локальное основывается на том факте, что глобальное и локальное изначально предполагают и подразумевают друг друга – глобальное невозможно без существования локального и наоборот. Обе составляющие дихотомии оказывают взаимное влияние друг на друга. Это имеет принципиальное значение для понимания отношений между глобальным и локальным. Р. Робертсон прав: «Глобальное не оппозиционно локальному. Более того, локальное, в сущности, включено в глобальное»².

¹ Beyer P. Globalizing Systems, Global Cultural Models and religion(s) // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 82

² Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London Sage, 1995. – P. 35

Как утверждает Дж. Томлинсон, локальные культуры «приговорены к свободе». Их участие в глобальных процессах не должно недооцениваться.¹

Глобальное не может существовать без локального. *Во-первых*, любое действие всегда будет в определенной степени локально, т.к. люди всегда четко локализованы в пространстве и времени. Даже действуя в глобальной информационной среде (например, Интернет), человек остается физически локализованным в пространстве и времени. «Физическое существование и присутствие доминируют даже в глобализованном мире»².

Мы не имеем дела с простым вытеснением «локального» «глобальным» и потому, что социальная коммуникация все еще во многом формируется из прямой личной коммуникации³. Даже решения глобального уровня, принимаемые на межнациональном уровне и/или имеющие глобальные последствия, в основном принимаются в ходе переговоров и консультаций, предполагающих прямую личную коммуникацию.

Функционирование глобальной экономической системы (как одного из наиболее очевидных проявлений унификации и доминирующей роли глобальных стандартов) также напрямую связано с локализацией производственных процессов. «Глобально» в буквальном смысле производить никто не может. Именно те фирмы, которые производят и продают свою продукцию в глобальных масштабах, вынуждены развивать локальные связи, во-первых, производя и совершенствуя свой товар в конкретных локальных условиях и, во-вторых, изымая сырье для своих глобальных символов из локальных культур, благодаря чему эти символы получают живыми, яркими и хорошо продаются. Товары под глобальными брендами производятся на конкретных заводах, действующих в специфическом контексте конкретных локальностей (национальных культур, региональных институтов, локальной системы символических отношений).

¹ Tomlinson J. Cultural Imperialism // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 303-311

² Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 9

³ Beyer P. Globalizing Systems, Global Cultural Models and religion(s) // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P.81

Глобальные сети также локальны в каждой конкретной точке. Наиболее очевидный пример – Интернет, в котором глобальные технологии встречаются с локальной культурой. В определенной степени локализованы и глобальные правительственные сети. Например, штаб-квартиры ООН, которые организуют работу организации и в которых расположен весь ее аппарат управления, локализованы в конкретных городах (Нью-Йорк, Вена и др.).

Во-вторых, глобальное проявляется только в конкретных локальных практиках и явлениях, приобретая значение в рамках специфических локальных условий и реальностей.

Глобализация воспринимается в конкретных мелких проявлениях, на местах, на собственной жизни, в символах культуры, отмеченных знаком «глокального».¹ Глобальные движения (за права женщин, например) проявляют себя в конкретных локальных акциях и мероприятиях; глобальный рост цен на энергоносители становится очевидным через рост цен на местной заправке; глобальное потепление климата ощущается через неожиданно бесснежную зиму и т.д.

Мы вступаем во взаимодействие с «глобальным» через некие «локальные посредники», наш «глобальный» опыт «локально» опосредован. Человек покупает продукты глобальных производителей и брендов в местном магазине; узнает о событиях, происходящих в мире, через местные телекомпании и газеты; пользуется глобальными коммуникационными технологиями через местных операторов мобильной связи и интернет-провайдеров и т.д.

Большая часть глобальных товаров попадает к нам посредством определенной локализации. Например, глобальная информационная сеть BBC вещает на 33 языках мира, имеет национальные подразделения по всему миру. При этом это не просто перевод оригинальных новостей, а подготовка

¹ Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелникова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 92

местных новостных выпусков, сайтов и программ на основе местных материалов, привлечение местных корреспондентов, журналистов, дикторов и ведущих. Именно такая маркетинговая стратегия изначально имела название глокализация.

В-третьих, способ восприятия и трактовки процессов и явлений всегда будет в большей или меньшей степени обусловлен локальными условиями, в которых происходит это восприятие.

Входящие потоки встречают не культурную и институциональную *tabula rasa*, а существующие локальные значения, социальные структуры, институты и культурные формы. Проникающие элементы вступают в диалог с этими локальными формами, значениями, институтами, со взглядами и опытом местного населения. Локальности не являются пассивными участниками глобализационных процессов, а часто играют активную роль в трансформации входящих потоков.

Как утверждают многие из ведущих теоретиков глобализации (Р. Робертсон, Д. Томлинсон, У. Ханнерц, Д. Хелд, М. Уотерс и др.), глобальные процессы, всегда по-разному интерпретируются и абсорбируются разными локальностями. Иногда трансформация настолько сильна, что один и тот же глобальный процесс в разных локальностях получает абсолютно разное, иногда противоположное звучание. По словам шведского ученого У. Ханнерца, «локальное» – это пространство, «в котором множество различных влияний соединяются вместе и реализуются в совершенно уникальных комбинациях, под действием специальных условий»¹. Локальный контекст так сильно может влиять на интерпретацию и проявление глобальных процессов и феноменов, что на выходе получается гибрид глобального и локального – глокальное.

В интерпретации и трансформации принимают участие все структурные элементы локальности – от культуры до существующих экономических и политических институтов.

¹ Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – P. 27

Очень важным механизмом локализации и интерпретации является локальная повседневная практика людей, которую У. Ханнерц назвал «оформляющая жизнь рамка» (form-of-life frame). Эта «рамка» включает ежедневную активность дома, на работе, ежедневное непосредственное общение с близкими людьми, ежедневное использование символических форм, т. е. все то, что мы, не задумываясь, воспринимаем как часть нашей жизни. При этом местная повседневная жизнь является центральной ареной для организации, производства и распространения культуры. Здесь можно найти устойчивую циркуляцию значений, в которую включен каждый индивид, принимающий участие в местной жизни, каждый потребитель, каждый производитель. Центральная роль этой «оформляющей жизнь рамки» в культуре означает, что внешние культурные элементы должны вступать во взаимодействие с повседневной локальной практикой. Внешние глобальные формы фильтруются существующим локальным опытом, в результате чего эти формы могут быть приняты, отвергнуты, интерпретированы или трансформированы. Н. Лонг указывает: «Фактически, глобализация сама по себе имеет значение для акторов, если новый опыт, который она привносит, соответствует существующему опыту и культурному пониманию»¹. Однако необходимо отметить, что и повседневный опыт имеет тенденцию меняться под воздействием внешних культурных элементов.

В предыдущем параграфе было отмечено, что гомогенизационные тенденции во многом связаны с глобальной культурой потребления. Множество исследований в социологии и антропологии потребления, материальной культуре показали, что товары воплощают в себе культуру (Д. Миллер, М. Дуглас, А. Аппадурай, Р. Лидерма, Д. Ховес и др.). Социальный антрополог Мэри Дуглас утверждает: «Товары представляют собой совокупность значений, более или менее связанных, более или менее преднамеренных. Они считываются теми, кто знает код и может сканировать

¹ Цит. по: Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 20

с них информацию». Тем не менее результаты этих же исследований подтверждают наличие феномена кросс-культурного потребления. Когда товары пересекают границу, тогда культура, которую эти товары воплощают, уже не является культурой, в которой они были произведены¹. Утверждение о том, что товары, входя в культуру, транслируют и передают ценности представляемой ими культуры, должно быть подвергнуто сомнению. Если более внимательно рассмотреть значение и способ использования импортированного товара в специфических локальных условиях и контексте, можно заметить, что товары (их значение, назначение, применение, транслируемые ценности и т.д.) полностью или частично трансформируются в соответствии с ценностями принимающей культуры. Импортированные товары часто становятся пропитанными альтернативными значениями в процессе инкорпорирования в новый культурный контекст².

Процесс изменения значения товара после его попадания в новый контекст можно назвать *гибридизацией* или *креолизацией*. Концепция креолизации расходится с уже рассматривавшейся нами концепцией кока-колонизации (вестернизации, американизации и т.д.) в следующих моментах. Во-первых, кока-колонизация рассматривает исходящий поток товаров и ценностей с Запада в остальные части мира, а в рамках концепции креолизации рассматривается входящий поток товаров, их восприятие и доместификация. Концепция кока-колонизации исходит из преднамеренности производителя, из предположения о пассивности аудитории, об огромных манипулятивных возможностях СМИ. Креолизация принимает в рассмотрение креативность потребителя. На настоящий момент уже существует большое количество работ и теорий, утверждающих активность аудитории и потребителей относительно трактовки и выбора продукции³. Товары всегда контекстуализируются (получают значение через погружение в конкретную систему социальных отношений), и нет никакой

¹ Cross-cultural consumption. Global markets, local realities / edited by David Howes. – NY, 1996. – P. 2

² Cross-cultural consumption. Global markets, local realities / edited by David Howes. – NY, 1996. - P. 5

³ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 61-63

гарантии, что замысел товаропроизводителя будет осознан потребителем из другой культуры. Д. Ховест считает, что товары, «произведенные в США», становятся «перепроизведенными в Японии», если конечным местом их потребления становится Япония, «перепроизведенными в Аргентине», если Аргентина и т.д., так как добавляются дополнительные значения и способы использования при каждом пересечении границы¹. При этом существует огромное множество такого сочленения «глобального» и «локального», все зависит от контекста взаимодействия.

Согласно шведскому теоретику глобализации У. Шуэркенсу, внешние культурные элементы (принесенные глобальными потоками) в конечном итоге могут вообще стать локальными, получив в процессе адаптации устойчивое положение в новом культурном контексте².

«Не существует никакого противоречия между объединением и унификацией институций, символов и манер поведения... и новым подчеркиванием значения, новым изобретением и даже защитой «локальных культур», – констатирует известный немецкий исследователь глобализационных процессов У. Бек. Если обратиться к правам человека, например, то, по всей вероятности, остается в силе то, что эти права, во-первых, практически во всех культурах выступают в качестве универсальных прав и, во-вторых, как таковые они зачастую толкуются и представляются по-разному, в зависимости от контекста³.

Локальные пространства с сопротивляющейся идентичностью и чувством принадлежности все еще продуцируют, как говорит Р. Уильямс, «ресурсы надежды» в рамках контекста транснационализации⁴. Действительно, глобализация во многом направлена на выстраивание

¹ Cross-cultural consumption. Global markets, local realities/ edited by David Howes. – NY, 1996. – P.6

² Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 18

³ Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелникова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 93

⁴ Wilson R., Dissanayake W. Tracking the Global/Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 4

универсальных ценностей, но их трактовка так или иначе будет предельно различной.

Как уже было сказано, один из терминов, предложенный для описания этой ситуации – креолизация, или гибридизация глобальной культуры (Д. Фридман, У. Ханнерц, Р. Робертсон). Гибридизация, креолизация – процесс, при котором формы из различных исторических источников, изначально отделенных друг от друга в пространстве, становятся отделенными от существующих практик и воссоединяются и интенсивно смешиваются с новыми формами в новых практиках (В. Роуз, В. Шеллинг, У. Ханнерц, Д. Фридман)¹. Известный британский писатель Салман Рашди, которого цитирует У. Ханнерц, в одной из своих новел писал: «Немножко того, немножко другого, и так в мире появляется новизна»².

С нашей точки зрения, наиболее емким термином для описания амбивалентности глобально-локальных отношений является термин «глокализация», предложенный Р. Робертсоном. Глокализация несколько отличается от гибридизации. Глокализация предполагает смешивание, адаптацию двух или более процессов, один из которых обязательно является локальным. Гибриды не обязательно предполагают наличие «локального». Например, может быть гибрид двух внешних культур. Существует множество примеров в технологиях, бизнес-практике, когда две различные системы или модели соединяются для получения лучшего эффекта. Глокализация только тогда имеет смысл, когда включает по крайней мере один компонент, относящийся к местной культуре, системе ценностей, практикам и т.д.³ Глокализация всегда является гибридизацией, однако гибридизация не всегда является примером глокализации. Концепция

¹ Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 49

² Friedman J. Global System, Globalization and Parameters of Modernity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 82

³ Khondker H. H. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept [Электронный ресурс]: Bangladesh e-Journal of Sociology, Vol. 1. No 2. July, 2004. – Режим доступа: <http://www.bangladeshsociology.org>

гибридизации шире и менее специфична относительно глобально-локальных отношений.

Становится все более очевидным, что «глобальное» не может существовать без «локального». Как говорит У. Ханнерц, «глобальное иногда должно быть сброшено на землю» и должно быть готовым к интерпретации, реорганизации и даже отрицанию¹. Глобальные потоки приходят из различных мест, пересекаются и продолжают свое движение в новых формах. Нельзя сказать, что не существует проблемы глобальной синхронизации, но и утверждать противоположное не совсем верно.

В тоже время локальное больше не существует вне рамок глобального. Взаимозависимость мира настолько высока, что любое локальное событие и явление будет в той или иной степени глобально обусловлено и/или будет иметь глобальное последствие. «Каждая локальная история является частью глобальной «большой картины», – указывает А. Дирлик².

Взаимосвязанность современного мира ведет к тому, что любое локальное событие может стать глобально известным или оказать влияние на дистанцированные от нас локальности. Э. Гидденс акцентирует внимание на том, что локальные привычки и поведение имеют глобальные последствия³. Невозможно рассматривать наши локальные действия иначе, как в рамках более широкой совокупности социальных условий. Решение о покупке определенного предмета одежды каждого отдельного человека влияет не только на международное разделение труда, но и на земную экосистему. Мир комплексной взаимосвязанности связывает бесчисленное число повседневных поступков миллионов с судьбами дистанцированных, неизвестных других людей и даже судьбой всей планеты. Есть и обратная взаимосвязь – наши локальные поступки глобально обусловлены: решение о

¹ Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. - London and New York: Routledge, 1996. – P. 28

² Dirlík A. The Global in the Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 37

³ Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.

покупке конкретного предмета одежды зависит от мировой моды, от мирового разделения труда (качество покупаемой вещи зависит от производителя). Лишь несколько современных фильмов, новостных или телевизионных программ не испытали на себе влияния других медиа событий, произошедших на другой территории¹.

«Глобальное» не просто не противопоставлено «локальному», «локальное», в сущности, включено в «глобальное». Раймонд Уильямс приводит следующий метафоричный пример глобально-локальных взаимоотношений.² Жил один англичанин, который работал в Лондоне на мультинациональную корпорацию, базирующуюся в США. Он ехал домой за рулем своей японской машины. Его жена, которая работала на компанию, импортирующую кухонное оборудование из Германии, уже была дома. Ее маленькая итальянская машина всегда двигалась быстрее через пробки. После ужина, который включал овечку из Новой Зеландии, калифорнийскую морковку, мексиканский мед, французский сыр и испанское вино, они сели посмотреть телевизор, который был произведен в Финляндии. Показывали историческую программу о праздновании возвращения Фолклендских островов. «Они смотрели и ощущали согревающее чувство патриотизма и гордость за то, что они британцы».

Локальности сегодня функционируют в глобальном контексте. «Глобализация задает глобальные обстоятельства, контекст взаимодействия, в которых цивилизации, регионы, национальные государства, нации, люди взаимодействуют и конструируют свою собственную историю и идентичность», – заключает Р. Робертсон³.

Ценность локального и партикулярного в наше время значительно повышается посредством различного рода движений, организаций, которые действуют на глобальном, транс-локальном уровне. Это феномен «борьбы за

¹Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 4

² Цитат. по: Tomlinson J. *Globalization and Culture*. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 113

³Robertson R., Khondlker H. H. *Discourses of Globalization // International Sociology*. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 30

локальные интересы с глобальной поддержкой». Примером являются случаи национальных меньшинств, которые апеллируют к транснациональному институту прав человека, минуя государственные органы через транснациональные организации. Или местные народности, которые находят поддержку в глобальных организациях. «Локальное» сегодня является «глобальным» феноменом и «глобальной» ценностью. Идеи, связанные с локальным, местным и т.д., продуцируются различного рода международными и транснациональными организациями и движениями.

А. Дирлик, говоря о способности локального сопротивляться ассимиляции в глобальном, вообще ставит вопрос об эффективности такого локального сопротивления. Он считает, что локальное сопротивление (глобальному капиталу, ТНК и т.д.) должно быть транслокальным по своему уровню и масштабам, к чему сегодня многие и стремятся¹. Так, большинство антиглобалистских движений представляет собой транснациональную сеть, т.е. сами являются глобальным феноменом. При этом такая озадаченность судьбой мира, которую проявляют антиглобалисты, «зеленые», демонстрирует формирование глобального сознания, которое, по мнению Р. Робертсона, и является ключевым элементом глобализации².

Даже идентичность, относимая к наиболее яркому проявлению локальности, становится более комплексным явлением в условиях глобализации, т.к. люди утверждают лояльность локальному, но при этом хотят разделять глобальные ценности и стили³. Согласно исследованию И. Семененко, в последнее время происходит рост числа европейцев, отождествляющих себя с конкретной провинцией, регионом, а также одновременный рост идентифицирующих себя с континентом и миром в

¹ Dirlik A. The Global in the Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 41

² Robertson R., Khondker H. H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 31

³ Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. - London: Sage, 1995. – P. 49

целом¹. В условиях глобализации возникает плюралистическая многоуровневая идентичность.

Согласимся с Р. Робертсоном в том, что определять глобальное как исключяющее локальное, значит полагать, что глобальное лежит над, вне всех локальностей, что глобальное имеет системные свойства выше и вне атрибутов частей в рамках глобальной системы². Не отрицая того, что мир как единое целое имеет определенные системные свойства выше «частей» (локальностей) внутри него, необходимо отметить, что, с другой стороны, эти «части» в большей степени сконструированы условиями вне рамок этих частей, в условиях глобальной динамики. Например, существование национального государства как одного из видов локальностей является результатом транслокальных процессов и действий. Большинство из элементов института национального государства, как и сама его структура и форма, которые и конструируют его уникальную идентичность, очень схожи во всем мире.³ Это один из наиболее ярких примеров взаимозависимости партикуляризма и универсальности. Говоря о национальном государстве как одном из видов локальностей и его конструировании на глобальном уровне, следует вспомнить пример Израиля, т.к. решение об установлении этого государства было принято на транснациональном уровне.

Очень многие проявления «локального» глобально институционализированы. С этой точки зрения, глокализация признает явление изоморфизма, в частности влияние «мировых социальных моделей» на формирование национальной идентичности, практик и структур, как это выявил Дж. Мейер.⁴ Регистрируется стандартизация локальностей, различные локальности могут демонстрировать схожую структуру, символический контекст.

¹ Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5-23

² Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P.34

³ Friedman J. Global System, Globalization and Parameters of Modernity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P.72

⁴ Giulianotti R., Robertson R. Glocalization, Globalization and Migration // International Sociology. March 2006. Vol. 21(2). – P. 172

Глобальное не только не ведет к полному исчезновению локального, оно также может способствовать его формированию и усилению. «Глобализация ведет к соединению локальностей... но она также ведет к «изобретению» локальностей», – утверждает Р. Робертсон¹.

В глобальных условиях локальности стараются защитить себя от растворения, усиливая и поддерживая существующие локальные традиции, идентичности или даже намеренно конструируя новые традиции². Локальности, сопротивляясь «глобальному», продуцируют все больше локального. Осознание и идентификация какой-либо среды как локальной, особенной и отличной от других происходит лишь в процессе познания других локальностей.

М. Фезерстоун указывает, что артикуляция локальных ценностей, чувство особенности локального места становятся более сильными и определенными, когда локальности сталкиваются с другими локальностями или оказываются перед угрозой растворения³. Сохраняя внутреннюю социальную гетерогенность, локальности демонстрируют внешний единый образ. У местного населения повышается осознание символической границы между ними и другими, которое приводит к мобилизации и реконструкции локального набора символов. При этом в различных глобальных условиях локальности могут отходить от этого единого образа и демонстрировать более открытое поведение. Существует представление о том, что формирование, развитие нации, оформление единой интегрированной национальной культуры требуют определенной изолированности и закрытости нации. Однако М. Фезерстоун утверждает, что, наоборот, мобилизация национальной идентичности происходит при неизбежном взаимодействии или борьбе с «другими». В современных же условиях на первый план не просто выходит взаимодействие между двумя государствами,

¹ Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London : Sage, 1995. – P. 35

² См.: Robertson R., Khondlker H.H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). P. 35; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. – С. 53-66

³ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 54-55

а формируется глобальный контекст интенсивных межнациональных взаимодействий¹.

Другой схожей реакцией на глобализацию является усиление пугающей и иррациональной идентичности в ее политическом выражении – национализм. Сама идея государства-нации строится на пяти основных элементах, которые в совокупности формируют общую идентичность, политическую систему, общество и его управляющие органы. Это человек – государство – нация – правительство – территория. При этом территория является принципиальным элементом в том плане, что нация имеет право на эксклюзивное занятие определенной территории². Многочисленные эмигранты, присутствие на территории страны представителей и институтов других стран и культур вызывают негативное отношение со стороны местных жителей, на основе чего у местного населения происходит усиление чувства местной идентичности. Многие современные политические элиты, стремясь освободить себя от западного политического и экономического «империализма», поддерживают националистические идеи, выражают их в целой серии идеологических практик, которые должны представлять нацию как социальный, пространственный и исторический факт, который реален, постоянен и значим (артикуляция специфичности национального характера, ревитализация общей исторической памяти, локализация нации в рамках истории и др.)³. Э. Гидденс считает, что национализм является прямым следствием глобализации и глобального распространения институтов демократизации, административного рационализма, самодостаточности⁴.

Глобализация прямо и косвенно влияет и на распространение религиозного фундаментализма. Влияние выражается во вторжении проблем и разногласий модерна и постмодерна в ранее закрытые религиозные традиции. Религиозные системы просто вынуждены возрождать и укреплять

¹ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 57-58

² Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 134

³ Там же, с. 135

⁴ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. - М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

себя перед лицом тенденций и сил постмодерна. Универсализация западных культурных предпочтений требует от локального партикуляризма быть артикулированным уже с учетом этих терминов (например, распространение западных идей о правах человека, рыночной демократии и статуса женщины)¹.

Глобализация не только способствует усилению национальной идентичности и артикуляции особенности национальной культуры, она также провоцирует артикуляцию этнических сил внутри сложившегося государства и культуры. При этом за решением своих проблем они уже апеллируют не к национальным государственным органам, а к различным наднациональным типа ООН, ЕС. Развитие глобальной системы СМИ также предоставляет этим локальным силам и феноменам выходить в глобальное коммуникационное пространство с целью собственного позиционирования и получения мировой поддержки и признания. Происходит ускорение развития локальных культур, малых этносов, обострение их притязаний на суверенитет (Югославия, баски и каталонцы в Испании). Нации с одной стороны объединяются, а с другой стороны расщепляются на этно-региональные составляющие.

Б. Барбер в своей известной книге «Джихад против Мак-мира» пишет, что в условиях глобального распространения западных институтов (наступление Макмира) происходит формирование реакционных сил против процессов унификации и интеграции – Джихад. При этом «это культуры, а не страны; части, а не целое; секты, а не религии; повстанческие группировки и несогласные меньшинства»².

Стимулирование развития и формирования локального происходит также и на официальном уровне. Достаточно большая часть того, что является локальным, сконструировано на транс- или супра-локальном уровне. Другими словами, большая часть продвижения и стимулирования

¹Waters M. Globalization. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 130-131

²Barber B. Jihad vs. McWorld // Atlantic Monthly; March 1992, Vol. 269 Issue 3. – P. 58

локального на самом деле организована на более высоком уровне и извне, считает Р. Робертсон¹. Здесь имеются в виду усилия различного рода транс- и супра-национальных организаций по поддержке и стимулированию развития различного рода локальных феноменов. Это и значительное финансирование со стороны ЮНЕСКО сохранения языкового разнообразия, это политика ЕС по поддержке и повышению автономии различных этнических групп и т.д.

Робертсон вообще утверждает, что локальное само по себе – это продукт глобального, «особенное» – это в большей степени сторона «универсального», чем его противоположность². Необходимо отметить, что такое утверждение о роли «глобального» относительно «локального», по нашему мнению, является несколько преувеличенным. Действительно, глобальное стимулирует появление новых локальных идентичностей и традиций, но в большей степени оно стимулирует защиту и более четкую артикуляцию уже существующих границ локальностей.

«Глобальное» и «локальное» не только взаимообуславливают друг друга, **локальное может становиться глобальным и наоборот.** Выделенные нами механизмы детерриторизации не только позволяют глобальным потокам проникать в локальное пространство, но и локальным феноменам получать глобальный статус. Выходя за пределы локальности, ценности, символы, практики, традиции могут получить глобальное распространение и стать уже глобальными.

Глобализации локального способствует и политика современных масс-медиа, которые в погоне за чем-то оригинальным для привлечения внимания аудитории предоставляют ей все больше информации о других культурах.

Свой вклад вносит и глобальный бизнес. В условиях глобализации и унификации производства появляется все больший спрос на оригинальные товары или товары, олицетворяющие некие локальные символы. Даже в

¹ Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 26

² Robertson R., Khondlker H.H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 30

рамках глобальной потребительской культуры многие бренды получают глобальное признание именно потому, что они представляют локальную специфику и ассоциируются с конкретной территорией происхождения. В этом плане актуален вопрос Б. Барбера: «Что является более американским: легендарный американский «Форд», собранный на германских заводах турецкими рабочими и продающийся на рынках Гонконга и Нигерии, или японская «Тойота Камри», спроектированная американским конструктором в дизайнерском центре компании в Калифорнии, собранная на заводах в Кентукки американскими рабочими из произведенных в США частей?»¹ Однако первый автомобиль продается на рынке как настоящий американский, а второй символизирует японский автопром.

Процесс получения некоторыми локальными идеями, практиками и институтами глобального статуса Х. Кхондкер, сингапурский ученый и один из наиболее последовательных сторонников концепции глокализации, называет макро-локализацией.²

Глобализация приводит к усилению и распространению феномена мультикультурности. Потоки мигрантов из менее благополучных стран в более благополучные также способствуют движению ранее гомогенных национальных государств к мультикультурализму. При этом современные мигранты, как правило, не стремятся слиться с новым окружением, а принципиально сохраняют и отстаивают свои отличия³. Если перевести в термины глобальное/локальное, то глобализация рождает феномен мультилокальности и поликультурного общества, сосуществования в рамках одной локальности как социального и пространственного феномена (страны, региона, города) нескольких локальностей. Как пишет И. Мальковская, «транскультурация связана с дислокацией, сменой мест обитания, новой

¹ Barber B. Jihad vs. McWorld. - N.Y.: Ballantine Books, 1996. – P. 24

² Khondker H. H. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept [Электронный ресурс]: Bangladesh e-Journal of Sociology, Vol. 1. No 2. July, 2004. – Режим доступа: <http://www.bangladeshsociology.org>

³ Галкин А.А. Глобализация и политические потрясения XXI века // Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 60

«безместностью» и институциональной диффузией – процессом «завоевания места» в социальном пространстве другого общества»¹. В терминах пространственно-временной компрессии: благодаря мигрантам происходит создание локального подпространства в рамках уже сложившегося, при этом это подпространство является органической частью социального пространства, отдаленного географически.

Неоднозначность и сложность отношений между «глобальным» и «локальным» проявляются и в **трансформации самого феномена «локального» и локальности в условиях глобализации.**

Трансформация представлена феноменом детерриторизации. Это во многом проблемный феномен, одновременно представляющий проникновение в локальный мир дистанцированных сил и срывание повседневных значений с их «якорей» в локальной среде².

Согласно известному социологу М. Фезерстоуну в мировой научной традиции понятие «локального» всегда ассоциировалось с понятием конкретного ограниченного пространства с его совокупностью близких социальных отношений, основанных на сильных чувствах родства и совместного проживания на общей территории. Это также предполагает наличие интегрированной культурной идентичности³.

Мы рождаемся в рамках сети взаимоотношений, которые локализованы в каком-то месте. Эта связанность с местом имеет фундаментальное значение для человека, считает Р. Уильямс⁴. Наиболее общим критерием для рассмотрения культур также всегда являлся такой основополагающий факт, как существование в географическом пространстве и историческом времени.

В этом плане нация как «воображаемое сообщество» (в терминах Б. Андерсона) и как один из основных видов локальностей основывается на

¹ Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социологические исследования. – 2005. – № 12 – С. 5

² Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 29

³ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 47

⁴ Там же, с. 53

чувстве принадлежности и членства для тех, кто разделяет в своем проживании и активности конкретное символическое место. Это конкретное ограниченное географическое пространство, нагруженное и сопряженное с определенным символическим значением – формы ландшафта, здания, природа, люди этого пространства связаны с определенными коллективными воспоминаниями, которые имеют огромную эмоциональную силу в формировании чувства общности. По мнению Э. Смита (авторитетного специалиста по феномену государства-нации и национализма), некое символическое географическое пространство имеет в данном случае принципиальное значение для национальной идентичности и общности¹. Территориальность – ключевой принцип функционирования такой локальности, как государство.

В условиях глобализации происходят кардинальные изменения в связке между людьми и территориями, которая является базовой для культурной репродукции. Так как группы мигрируют, регруппируются в новых локальностях, реконструируют свою историю, то групповая идентичность больше не является чем-то четким². У каждой нации, которая «экспортирует» своих людей (в качестве туристов, студентов, беженцев, эмигрантов, рабочей силы), например в США, появляется «делокализованная транснация», которая предполагает некую идеологическую связь с местом происхождения, однако по сути является уже просто диаспорой.

Размывание территориальных границ нации, возможность участия в жизни нации, находясь на другой территории, были названо известным исследователем феномена национального государства и нации Б. Андерсоном «национализмом на дальнем расстоянии» (long distance nationalism)³.

¹ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // *Global/local: cultural production and the transnational imaginary*. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 53

² Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 49

³ См.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 286 с.

Раньше, указывает У. Ханнерц, было четкое осознание, что ты гражданин одной страны, а не другой, что территория принадлежит одной стране, а не другой, ты идентифицируешь себя с одним языком, а не с другим¹. «Сегодня места, где мы существуем, люди, с которыми мы там встречаемся, книги и газеты, которые мы читаем, телевизионные каналы, которые мы переключаем – все это изменилось... Наша среда обитания и формирования значений будет зависеть теперь не только от физических аспектов нашего существования, а также от возможностей, связанных с нашими знаниями: языков, которые мы можем понимать, писать и говорить, нашем уровне грамотности относительно других символических форм»².

Оторванность культуры, наших социальных практик, опыта от конкретной территории привела к формированию локальностей без территорий. Французский антрополог Марк Оуже полагает, что глобализация замещает реальные локальности «безместностью» («non-places»). «Если место определяется в отношениях, связано с историей и формирует идентичность, то место, которое не может быть определено в отношениях, истории и идентичности является «безместностью»³.

Эта идея в определенной степени созвучна с известной и авторитетной работой Д. Мейровитца «Нет чувства места»⁴. Он указывает на тот факт, что развитие медиа снизило значение физического присутствия в познании и ощущении людьми событий. Идею сообществ «с отсутствующим ощущением места» поддерживает и такой известный антрополог и теоретик глобализации, как А. Аппадурай⁵.

У. Ханнерц для демонстрации кардинальной трансформации локальности приводит слова другого ученого – Марка Постера. «Если я могу непосредственно или через электронную почту общаться с моим другом в

¹ Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. - London and New York: Routledge, 1996. – P.21

² Там же, с. 23

³ Tomlinson J. Globalization and Culture. - Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 108-109

⁴ Meyrowitz J. No sense of place: The impact of electronic media on social behavior. N.Y.: Oxford University Press, 2005. – 416 p.

⁵ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 29

Париже, сидя в Калифорнии; если я могу быть свидетелем политических и культурных событий, происходящих по всему миру, не покидая своей квартиры; если база данных, находящаяся далеко от меня, содержит информацию обо мне и информирует правительственные институты, которые принимают имеющие для меня значение решения, не зная моего мнения о нем; если я могу делать покупки, находясь дома, через мой компьютер или телевизор, то где я и кто я?»¹

Многие теоретики отмечают, что локальное само по себе уже не такое, как было раньше. Э. Гидденс, например, пишет, что «пространство становится в высшей степени фантазмагоричным: место действия пронизано и определено социальными процессами значительно дистанцированными от него... его «видимая форма» маскирует дистанцированные отношения, которые определяют его сущность»².

Новые формы электронных коммуникаций начинают создавать «виртуальные соседства», «виртуальные локальности», которые больше не ограничены конкретной территорией, паспортами, налогами, выборами и прочими конвенциональными политическими институтами.³ Абстрактные системы, ценности и символы определяют сегодня повседневную социальную реальность.⁴ На базе дихотомии «реальное/виртуальное» в дискурсе глобализации даже появляются альтернативные теоретические модели общественных изменений.

Детерриторизация социальных процессов достигла сегодня такой степени, что Р. Робертсон и Х. Кхондкер предлагают *рассматривать теперь «локальное» вне территориальных рамок*. Они считают более адекватным современной ситуации определять «локальное» как «связку социальных отношений, которые скрепляются в определенной единой этнической или

¹ Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – P. 26

² Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – P. 18-19

³ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 195

⁴ Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 15

культурной идентификации и ощущении общей судьбы»¹. А. Аппадурай рассматривает локальность в большей степени как контекстуальность, а не в связи с размерами и пространством. Он рассматривает ее как комплексное феноменологическое качество, сконструированное серией связей между чувством социальной непосредственности, технологиями взаимодействия и относительностью контекста².

Принимая такую трактовку «локального» в современных социальных условиях глобального взаимодействия (т.е. считая локальное как обусловленное контекстом взаимодействия), не следует ее абсолютизировать. Большинство локальных процессов и явлений сохраняют изначальную привязку к конкретной территории, даже если эта привязка уже не так очевидна. Та же национальная идентичность имеет прочную связь с феноменом национального государства, которое, в свою очередь, все еще очень четко локализовано в пространстве.

Многие воспринимают этот процесс отрывания культурных практик от территорий негативно, т.к. он вызывает разрушение национальных культур. Однако детерриторизация имеет и позитивные моменты, т.к. предоставляет людям дополнительные культурные ресурсы, в которых ранее они были ограничены. Это не означает, что все познают мир как космополиты, «глобальное» существует как культурный диапазон, которым все больше и больше людей (хоть и в различной степени) овладевают.

Сложность и неоднозначность отношений глобального и локального, трансформация самого феномена локальности в условиях глобализации выражаются в определенном **конфликте глобального и локального**.

Одной из основных причин такого конфликта, мы об этом уже упоминали, является тот факт, что «наши зависимости сегодня, – отмечает З. Бауман, – полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде,

¹ Giulianiotti R., Robertson R. Glocalization, Globalization and Migration // International Sociology. March 2006. – Vol. 21(2). – P. 174

² Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 178

локальны»¹. Для многих людей в мире ощущение глобализации как проживания в «едином пространстве» может отсутствовать или быть ограниченным².

Такой конфликт имеет значительное влияние на человека. Э. Эриксон пишет: «Психическое здоровье людей, оторванных от своих домов, работы, страны и вынужденных эмигрировать, неоднократно становилось предметом специального интереса исследователей. Будучи сам иммигрантом... я могу начать с признания в своего рода каждодневной патологии». Глобализация создает сходную проблему даже для тех, кто никогда не покидал своих домов, ибо в их жизнь вторгается большой новый мир, а действовать они могут только в пределах своего мира³.

Тесно связана с таким разрывом между глобальным опытом и локальными практиками и проблема иллюзорности глобальности нашего культурного опыта. Глобализация, несомненно, несет разнообразие и предоставляет нам все больший выбор и возможность познакомиться с большим культурным разнообразием. Однако, как утверждает Б. Барбер, это зачастую имитация культурного опыта. «Существует огромная разница между тем, чтобы попробовать знаменитые французские блинчики крепс где-нибудь в Дижоне или сделать это в кофейне за углом. Даже с учетом того, что вы получите что-то похожее на оригинальный продукт, существует огромная разница. Когда мы заимствуем что-то из другой культуры, мы, как полагал Платон, находимся только на втором или даже третьем уровне реальности, мы дистанцируем сами себя»⁴. Эта позиция Барбера очень созвучна со знаменитыми симулякрами Ж. Бодрийера.

Российские исследователи, в частности О. Астафьева, также считают, что разнообразие и тяга к экзотическому, особому, традиционному

¹ Цит. по кн.: Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 357

² Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. - Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 70

³ Федотова Н.Н. Идентичность // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 358

⁴ Globalization and Culture // Cato Policy Report. May/June 2003. – P. 8

выражаются в возникновении индустрии «этнонациональной» культуры, основу которой составляют псевдонародные образцы¹.

Согласившись с этим, необходимо отметить, что, с нашей точки зрения, такой иллюзорный культурный опыт все же лучше, чем его полное отсутствие и ограниченность только одной локальной культурой, так как даже иллюзорный опыт расширяет наши культурные горизонты и вносит в повседневную жизнь разнообразие.

Таким образом, было выявлено, что отношения глобального и локального нельзя сводить к отношениям противоположности. Это значительно более противоречивые отношения, которые одновременно предполагают и глобализацию локального и локализацию глобального. Одновременно с процессом гомогенизации и распространения унифицированных глобальных форм происходит появление новых локальностей и глокальных гибридов в силу сильной реакции локального на глобальное. Взаимовлияние и взаимозависимость глобального и локального хорошо выражены Норманном Лонгом: «Локальные» ситуации трансформируются, становясь частью более широкой «глобальной» арены и процессов; тем временем «глобальные» аспекты получают значение в специфических «локальных» условиях и через интерпретацию и стратегии «локальных акторов»². Очень важным в понимании отношений между локальным и глобальным является учет их невероятной сложности и неоднозначности. «Столько много различных вариантов родства, дружбы, коллегиальности, сотрудничества, совместного бизнеса, поиска удовольствия или борьбы за безопасность вовлекают людей в транснациональные контакты, что мы никогда не можем быть уверенными, как это повернется»³.

¹ Астафьева О.Н. // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 544

² Цит. по: Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London : Sage publications ltd, 2004. – P. 21

³ Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – P. 29

2.3. Стратегий поведения локальностей в условиях глобализации

Взаимодействие «локального» и «глобального» в современном социокультурном пространстве является процессом многоаспектным и неоднозначным. Это одновременная возможность стирания локальных отличий под влиянием глобальных потоков, усиления и повышения четкости артикуляции этих отличий, преобразование глобальных форм в условиях локального контекста.

В этом параграфе мы рассмотрим отношения «локального» и «глобального», обозначив возможные реакции ключевого типа локальностей, национальных государств и национальных культур на глобальные потоки и стратегии их поведения в условиях глобализации. Мы выбираем этот уровень локальностей, т.к. реакции национальных государств и культур наиболее артикулированы, более того, именно они во многом определяют характер развития глобализационных процессов. Не смотря на то, что целый ряд ученых указывает на нивелирование института национального государства и феномена национальной культуры в условиях глобализации (группа гиперглобалистов), эти институты все еще сохраняют свое принципиальное значение. Более того, необходимость выработки стратегии поведения перед лицом возрастающих глобальных потоков и взаимозависимости мира еще более повышает значение роли государства (М. Феазерстоун, Р. Робертсон, Д. Хэлд, А. Панарин, М. Уотерс, Д. Фридман).

Как мы уже показали, в условиях высокого уровня взаимозависимости мира, под влиянием современных коммуникационных технологий ни одно государство мира, ни одна культура не могут полностью исключить себя из глобализационных процессов. Каждая культура, каждое государство (как и другие типы локальностей) разрабатывают свои способы и ритмы вхождения в глобальные процессы. Процесс глобализации встречает различные типы реакций и различные виды сопротивления.

На этот факт указывают многие авторы, однако четкой классификации этих реакций не приводят (Г. Тербон, Р. Робертсон, Э. Гидденс, А.

Аппадурай, У. Ханнерц, А. Панарин, А. Чумаков, Э. Кочетков, С. Хантингтон и др.) либо указывают их очень схематично и с точки зрения субъективного понимания сути глобализационных процессов. М. Кастельс, например, опираясь на концепцию французского социолога Алена Турена, предлагает классификацию самобытностей. «Самобытность в условиях открытости», нацеленная на диалог, сосуществование; «самобытность сопротивления», целью которой является защита своего социокультурного пространства, противопоставление своих ценностей чужим; «самобытность, устремленная в будущее» (project identity, в терминах Кастельса).¹

Прежде чем предложить типологию реакций локальностей на глобализационные процессы, уточним, *как эти реакции могут проявляться и кто их задает.*

Во-первых, говоря об определенном сопротивлении, адаптации или принятии глобальных потоков, мы исходим из того, что взаимодействие с глобальными потоками происходит при посредничестве государства. У государства есть целый ряд инструментов для поддержки, сдерживания, игнорирования глобальных потоков и институтов, ряд возможностей для того, чтобы подтолкнуть или сдержать участие страны в глобальных отношениях. Например, в процессе формирования национальной идентичности государство дает определенное по содержанию образование, а также формирует референтные группы и специалистов по культуре и коммуникации, которые и определяют и транслируют всем остальным стратегию взаимодействия – указывает М. Фезерстоун. Представители этих групп могут быть официальными государственными служащими и работать в министерствах культуры, международных отношений, экономики. Другой сильной группой являются интеллектуальные, деловые и религиозные круги страны, которые выступают референтными группами и трансляторами для всех остальных. Таким образом, в зависимости от приоритетов

¹ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1990. – С. 300

национального развития и силы государственной власти государство может стимулировать возрождение и формирование определенных общих воспоминаний, традиций, ценностей, стереотипов, отношений и действий с целью сопротивления, поддержания или контроля глобальных потоков на территории страны. Государства имеют множество возможностей в так называемой «культурной инженерии». Некоторые государства, могут, например, инвестировать в развитие местного телевидения и киноиндустрии с целью сопротивления глобальным потокам информации и имиджей, идущих из США. Возможно стимулирование продвижения местных культурных форм (музыки, кухни, моды) на глобальном рынке. В любом случае существует множество возможностей по гибридизации и креолизации, после которых глобальные продукты, информация, имиджи, традиции перерабатываются, смешиваются с местными культурными традициями и стилями жизни¹.

При этом выбор стратегии относительно глобальных потоков – очень деликатная задача для государства: слишком широко открыться глобальным потокам – и в государстве назревает бунт, как в случае с китайским синдромом; слишком мало открыться – и государство окажется на подмостках мировой экономики и политики, как Северная Корея, Бирма².

Реакция на глобальные потоки происходит и на уровне общества. Можно выделить в данном случае преднамеренную и непреднамеренную реакцию. Непреднамеренная реакция происходит на уровне повседневной практики людей. При взаимодействии с глобальными потоками люди могут проигнорировать новые институты и культурные формы, могут придать им новое значение в процессе осмысления, могут заменить ими существующие элементы. Осознанная реакция выражается в различного рода социальных акциях, движениях, типа националистических движений.

¹ Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // *Global/local: cultural production and the transnational imaginary*. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 63

² Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – P. 42

На основе проведенного нами анализа отношений «глобального» и «локального», а также существующих исследований участия различных стран в глобализационных процессах **предлагаем выделить пять основных видов реакций.**

Максимальная открытость и нескритичность локальной культуры по отношению к действию глобальных потоков и институтов. Необходимо отметить, что мы говорим о культуре в широком смысле этого слова, т.е. культура в данном случае неотделима от экономической системы, системы образования и т.д. Очевидно, что речь идет не о полном замещении локальной культуры некими транснациональными формами, т.к. в любом случае будет существовать определенная степень (хоть и минимальная) адаптации и трансформации этих глобальных форм в условиях локального контекста. Именно локальности с такого рода реакцией заставляют говорить о риске гомогенизации как следствии глобализации.

Этот тип реакции может быть следствием осознанной открытости локальности глобальным потокам и активного участия в процессе межнационального взаимодействия. Примером такой локальности может служить ЮАР, которая «в высшей степени открыта глобализации». Как пишет Энн Бернстейн, исследовавшей участие этой страны в глобализации, «ЮАР – это общество, в высшей степени открытое международным культурным влияниям, каковым во многих отношениях оно было издавна. <...> Сопротивление, оказываемое этой открытости глобальным, главным образом западным, культурным влиянием, никогда не было значительным.; наоборот, подавляющее большинство южноафриканцев продемонстрировали на деле поразительное рвение и быстроту при заимствовании в меру своих возможностей новых нравов, технологий, музыки, моды и идей...»¹. Это так же дополняет западная экономическая и политическая культура, распространение христианства и английского языка в стране. В итоге

¹ Бернстейн Э. Глобализация, культура и развитие // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 202

«выкуп за невесту и вера в духов предков и колдунов – только два элемента местной культуры, сохранившиеся и эволюционировавшие в «водовороте современной истории ЮАР»¹.

Однако это может произойти и помимо воли жителей и правительства страны. Культуры «нередко оказываются неготовыми в сжатые сроки, быстрыми темпами освоить те сложные культурные формы, которые им навязывает более динамичное и дифференцированное культурное окружение»². С учетом того, что основное содержание глобальных культурных потоков составляют западные культурные элементы и формы, то вероятность такого результата достаточно высока.

Другим видом реакции может быть *сосуществование локальной культуры с глобальными культурными формами без какого-либо значимого взаимовлияния* и интеграции. Это происходит тогда, когда глобальные потоки товаров, информации, туристов и т.д. не затрагивают глубоких уровней в структуре культурной идентичности, в ценностных ориентациях, в образе жизни представителей той и другой культуры, а просто дополняют и существуют параллельно.

Такая ситуация во многом возможна потому, что «в культуре, как в живом организме, существуют механизмы для решения противоречий различных культурных начал, мощные адаптивные элементы, позволяющие ей относительно безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты и одновременно модифицировать всю систему культуры; таковы механизмы сохранения и воспроизводства своего предшествующего опыта и традиций, формирования у людей чувства культурной идентичности и др.»³

Сосуществование в основном возникает, когда локальности открываются только определенным глобальным потокам и институтам, не затрагивающим глубинные основы локальной культуры, но способствующим

¹ Бернштейн Э. Глобализация, культура и развитие // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 212

² Глобалистика. Энциклопедия / ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 110

³ Миронов В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 32

ее экономическому развитию. Примером такой политики может служить Китай и китайская культура. «Китайские лидеры признали необходимость углубления и интеграции с международной экономикой, но стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сохранить свою уязвимость»¹. Китайское правительство очень активно стимулирует развитие внешнеэкономической деятельности компаний, привлечение иностранных инвестиций, перенятие западного опыта управлений, новейших технологий, «открывает» страну для туристов. На сегодня Китай является одним из ведущих экспортеров мира. Но при этом правительство контролирует весь китайский культурный рынок. Помимо того, что правительство поддерживает развитие собственного «культурного производства» (СМИ), оно ведет жесткую политику по защите национальной и местной культурной индустрии от мощного давления иностранных и транснациональных компаний. Китай вообще является примером так называемой «управляемой глобализации», когда правительство целенаправленно определяет сферы активного участия в глобализационных процессах и сферы жесткой ограниченности. Однако эффективность такой политики вызывает определенную степень сомнения. На настоящий момент массовая культура получается все большее распространение в Китае, происходит все больший отход от традиционных китайских ценностей в сторону западного либерализма, все больше китайцев обучается в Европе и США.²

Существование может возникать и как проявление силы самой культуры. Примером такой культуры может служить Тайвань. Тайвань сегодня очень успешно интегрирован в международный рынок. В тайваньских корпорациях работают на основе западных норм управления, местные предприниматели и менеджеры на рабочем месте являются типичными представителями глобализированной деловой культуры. Однако

¹ Янь Я. Управляемая глобализация // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 47

² Янь Я. Управляемая глобализация // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 27-56

приходя домой и общаясь с местными жителями они «не только переходят с английского языка на местные диалекты... но также меняют образ мыслей. <...> Две культуры, регулирующие их поведение в двух разных областях жизни, уживаются в них без особого конфликта»¹. Та же ситуация возникает и в сфере массовой культуры. Как утверждает С. Сяо, исследователь культурной глобализации в Тайване, что в процессе знакомства с современной глобальной культурой «никаких глубоких культурных изменений или приобретений знаний не произошло; этот процесс не побудил Тайвань и к какому-то новому осмыслению собственного общества и своей культуры»².

Необходимо согласиться, что существует целый спектр западных институтов, распространившихся по всему миру и сформировавших определенную унификацию, однако не затрагивающих глубинных основ культуры. Д. Томлинсон приводит такой пример сосуществования локальных и глобальных сил. Принятие технологической культуры Запада, его экономической рациональности и даже некоторых аспектов консюмеризма может прекрасно сосуществовать с отрицанием западного секуляризованного мировоззрения, его сексуальной культуры, отношения к семейным и гендерным взаимоотношениям, как это в различных вариациях распространено во многих исламских странах³.

Другим вариантом реакции могут быть *адаптация и трансформации глобальных потоков в результате сильной локальной реакции*, появление гибридных форм. Такой тип реакции является наиболее распространенным. В нем выражено стремление принять максимальное участие в глобализационных процессах, но при этом адаптировать глобальные потоки под уже существующую систему ценностей, институтов. Это может быть

¹ Сяо С. М. Сосуществование и синтез. Культурная глобализация и локализация на современном Тайване // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 62

² Сяо С. М. Сосуществование и синтез. Культурная глобализация и локализация на современном Тайване // Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова по ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 66

³ Tomlinson J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 96

следствием осознанной политики властей, которые стремятся создать максимально эффективные институты для своей страны, а именно адаптировать зарекомендовавшие себя глобальные институты под местную специфику. Гибридизация может также возникать на уровне повседневной практики людей, в ходе которой происходит непосредственное осмысление глобальных форм.

Примером такой реакции может служить Россия. Вся система политического и экономического устройства страны представляет собой значительно видоизмененную западную версию («демократия и капитализм по-русски»). Российская деловая культура также представляет собой гибрид транснациональной деловой культуры и традиций русского купечества. В отличие от многих стран, в России не получил широкого распространения английский язык, даже большинство представителей деловой культуры не владеют языком. Соответственно, все зарубежные фильмы и программы в России транслируются с дублированным переводом (в большинстве стран Западной Европы, например, американские и британские программы и фильмы транслируются в оригинале без дубляжа). Гибридизация происходит и на уровне повседневной практики людей. Например, рестораны быстрого питания трансформировались в России в популярные места отдыха для подростков.

Следующим типом реакции является *защита локальной культуры от глобализационных процессов, борьба и отрицание*. Уровень изолированности и закрытости локальности от глобального мира может варьироваться. Относительно слабый уровень противостояния глобализационным процессам может быть представлен поведением так называемых «евроскептиков» – стран, боящихся возможности культурной гомогенизации в процессе европейской интеграции и потери национальной культурной самобытности¹. Примером таких национальных государств во многом являются Австрия и

¹ Berger P. Four Faces of Global Culture // National Interest, 1997. – Vol.49. – P.23-29

Дания, которые очень осторожны в европейских интеграционных процессах и стараются максимально оградить свою культуру от мигрантов.

Крайней степенью такой реакции является полная изоляция и фундаментализм. Северная Корея в данном случае является явным примером попытки изолировать страну от глобализационных процессов по всем направлениям через закрытие границ и политику экономического, политического и информационного изоляционизма.

Б. Барбер считает, что именно такой тип реакции как фундаментализм и изоляционизм будет набирать силу. Он называет его Джихад в противовес Мак-миру. «Джихад может начать поиск локальной идентичности, совокупности общих атрибутов для противостояния унифицирующим силам модернизации и колонизации Мак-мира»¹.

Одной из основных причин такой реакции может служить то, что локальные группы могут интерпретировать глобальные связи и их влияние на локальные элементы как атаку. Скорость и размеры глобальных изменений, комплексность глобальной системы могут также способствовать усилению желания стабильности и преемственности. Апелляция к локальным институтам, локальным ценностям, возрождение традиционных культур и акцентирование местной культурной идентичности могут дать это необходимое ощущение стабильности и уверенности перед лицом глобальных процессов. П. Бейер считает, что индивиды ищут ориентиры в нашем обезличенном глобальном обществе через идентификацию с конкретными группами и их культурой².

Акцентирование внимания на собственной культуре в случае данной реакции является не движением против какой-то конкретной культуры или государства (даже если данная референция официально озвучивается; например, явная антиамериканская риторика руководства Ирана), а против пугающих эффектов процесса глобализации. В то же самое время придание

¹ Barber B. Jihad vs. McWorld. – N.Y.: Ballantine Books, 1996. – P. 9

² Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 22

особого значения местной культуре может означать и оппозиционность глобализационным процессам, исходящим из западных стран. У. Шуэркенс утверждает, что выступление локальных сил против глобальных – это в большей степени попытка установить условия для самостоятельно определенного и самоконтролируемого участия в процессе глобальной интеграции и борьбе за планетарный порядок¹.

Еще одним типом реакции на глобализацию может служить *регионализация*. Регионализация выражается в сближении стран на основе общих культурных ценностей, с целью совместного противостояния унифицирующим тенденциям глобализации «по западному образцу». Ряд ученых вообще утверждает, что тенденции регионализации сегодня даже сильнее глобализационных тенденций (С. Хантингтон, Э. Уоллерстайн). Парадоксально, что сам регионализм как реакция на глобализацию является примером глокализации, т.к., по сути, регионализм представляет собой микро-копию глобализации – та же взаимная открытость, взаимозависимость, интенсификация взаимодействия и т.д. П. Бергер даже называет регионализацию «субглобализацией».² Глобализация порождает макрорегионализм, а он в свою очередь поощряет микрорегионализм.

ЕС является наиболее очевидным примером регионализации. Он сформировался как ответ на экономические вызовы со стороны США и Японии, сейчас представляет собой полноценное супранациональное образование, формирующее общую европейскую идентичность. При этом сама система ЕС позволяет Северной Ирландии апеллировать в Европейский суд по правам человека в Страсбурге об отмене решения Британского суда. Или Каталония, минуя Мадрид, может установить прямые связи с другими

¹ Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 22

² См.: Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

регионами. Глобализация порождает макрорегионализм, а он в свою очередь поощряет микрорегионализм.¹

При этом регионализм не обязательно должен принимать форму официального транснационального образования типа ЕС. Регионализм может быть оформлен в различного рода союзах, сообществах и т.д., а может вообще не иметь институционального выражения. Регионализм сегодня характерен для стран Азии, Латинской Америки, мусульманских стран Ближнего Востока, даже африканские страны сегодня стараются группироваться.

Тип и характер реакции зависят от сложного сплетения целого ряда факторов.

Принципиальное значение, как утверждает А. Панарин, имеет тот факт, что к новой системе открытого, глобализирующегося мира различные народы и государства подошли неодинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу. Соответственно, наиболее последовательными сторонниками глобализационных процессов будут наиболее развитые страны, «усматривающие в ослаблении былых суверенитетов новые возможности в своей экономической, геополитической и социокультурной экспансии»². Менее развитые страны будут проявлять подозрительное отношение к процессу глобализации и противопоставлять им различного рода защитно-протекционистские механизмы; или же, наоборот, увидят в нем для себя возможность для дальнейшей модернизации и развития.

Огромное значение имеет понимание представителями и руководством страны сути самого процесса глобализации. «Глобализация – героический процесс, глобализация – зловещий процесс – все зависит от того, с какой

¹ Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 50

² Панарин А.С. Глобализация // Глобалистика / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – С. 183

стороны дебатов находиться. Некоторые воспринимают его как поезд без тормозов, который крушит все на своем пути, другие видят выгоду от попадания в этот поезд, несущий к экономическому росту и процветанию»¹. В зависимости от понимания сути глобализации происходит и выбор стратегии.

Среди представителей французских интеллектуальных кругов и политиков очень распространено использование термина глобализация с сильным коннотативным значением большой «англо-американской» или «англо-саксонской» угрозы интеграции французского общества, культуре и языку, в частности, и всему миру в целом². В этой связи очень известна политика французского правительства по поддержке французского кинематографа, введение ограничений на объем голливудской продукции, а также недоброжелательное отношение французов в целом к английскому языку. В Таиланде отмечается тенденция использовать понятие глобализации в связи с экономическим и геополитическим развитием. В переводе на местный язык глобализация звучит как *loganuwatra*, что буквально означает «следовать за миром». В научном и публичном дискурсе Лаоса глобализация рассматривается как новый колониализм и неизбежный экономический вызов лаосскому обществу³.

Выбор стратегии также зависит от оценки возможных выгод и угроз участия в глобализационных процессах. Более активными в глобализационных процессах будут те, кому открытый мир предоставит дополнительные возможности действий, доступ к новым ресурсам. Стратегию сдерживания выберут страны, для которых сильная открытость внешним потокам может привести к дестабилизации по причине низкой конкурентоспособности местных институтов.

¹ Khondker H. H. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept [Электронный ресурс]: Bangladesh e-Journal of Sociology, Vol. 1. No 2. July, 2004. – Режим доступа: <http://www.bangladeshsociology.org>

² Robertson R., Khondker H. H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 34

³ Robertson R., Khondker H. H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 35

На включенность в глобализационные процессы оказывает влияние даже историческое прошлое страны. Так, П. Бергер считает, что «после падения Третьего рейха из-за повышенной чувствительности немцев ко всему, что может повлечь за собой обвинение в возрождении национализма, у них ослабилось стремление отстаивать достоинство немецкой культуры и выработалась привычка относиться более или менее безразлично к влияниям, проникающим извне»¹. Это значительно помогает понять, почему Германия оказалась самой «американизированной» страной Европы.

С учетом того, что глобализация часто рассматривается как вестернизация и объективно доля контента глобальных потоков, принадлежащего по происхождению к европейской и американской культуре, значительно выше, можно сказать, что в большей степени глобализации открыты страны, принадлежащие к этой культуре или имеющие прочную связь (через принадлежность к христианской цивилизации). С. Хантингтон, считает, что принадлежность к цивилизационным блокам имеет принципиальное значение для понимания поведения государств².

На стратегии значительное влияние оказывает текущее место страны на геополитической карте мира. Как мы уже писали, официальное противодействие глобализационным процессам во многом позволяет странам самоутвердиться на международной арене.

Выбранная стратегия не обязательно будет успешной и полностью реализованной. Более того, глобализационные процессы плохо поддаются контролю, а некоторые из них (глобальное циркулирование информации посредством новых коммуникационных технологий – спутниковой связи, Интернет) вообще не возможно контролировать. Например, официальная политика сопротивления глобализационным тенденциям, демонстрируемая во внешней политике, может сосуществовать с гибридизацией на уровне

¹ Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 19

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

повседневной практики. Япония все более основательно и активно поддерживает свои национальные культурные традиции, при этом ведущим рестораном Японии по посещаемости в 1992 г. был Макдональдс. Во Франции, ведущим европейским лидером по борьбе с американской культурной экспансией, жители которой принципиально не признают английский язык, Диснейленд располагается прямо в пригороде Парижа.

Таким образом, очевидно, что локальности не являются пассивными участниками глобализационных процессов, они демонстрируют широкий спектр разнообразных реакций: от полного принятия и открытости глобальным потокам и структурам до отрицания и сопротивления, с промежуточными вариантами сосуществования и гибридизации. Необходимо отметить, что локальности демонстрируют не одну консолидированную и четко артикулированную реакцию, а комплекс реакций на различных уровнях – уровне повседневной практики людей, уровне социальных институтов, на экономическом уровне, геополитическом и т.д. Одна и та же локальность (национальное государство в нашем случае) может демонстрировать различные реакции на разных уровнях. Например, официальная политика сопротивления глобализационным тенденциям, демонстрируемая во внешней политике, может сосуществовать с гибридизацией на уровне повседневной практики.

Анализ взаимоотношений «глобального» и «локального» показал амбивалентный и противоречивый характер этих взаимоотношений. С одной стороны, в условиях глобализации посредством глобальных потоков и эффекта изоморфизма происходит распространение единого унифицированного набора товаров, информации, имиджей, ценностей, символов, институтов, практик. Это ведет к гомогенизации глобального пространства. Негативные аспекты гомогенизации усиливаются и тем, что это не глобальное распространение лучших элементов различных локальностей, а доминирование в содержании глобальных потоков элементов лишь ограниченного числа локальностей. С другой стороны, глобальные

формы проявляются только в конкретных локальных практиках и явлениях. В процессе восприятия происходят трансформация и адаптация глобальных форм в соответствии со сложившимися локальными структурами. Более того, интенсивность взаимодействия с другими локальностями и риск гомогенизации заставляют локальности более четко артикулировать свои отличительные особенности, ведут к «переоткрытию» и «изобретению» локального. Локальности не являются пассивными акторами глобализационных процессов, каждая из них демонстрирует собственную реакцию, обусловленную целой группой различных экономических, исторических, политических и культурных факторов. Эти реакции варьируются от полной открытости глобальным потокам до отрицания и изоляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слабая проработанность философских оснований феномена глобализации в значительной степени усложняет развитие исследований глобализационных процессов. В данной книге была представлена попытка внести вклад в концептуализацию феномена глобализации и философско-методологические основания его исследования через социально-философский анализ отношений «глобального» и «локального» как ключевых элементов концептуализации современных социальных трансформаций.

В работе проанализированы отдельные аспекты формирования новой онтологии социальности, связанные с глобально-локальными отношениями в условиях пространственно-временной компрессии.

Впервые проведен анализ глобально-локальных отношений на основе работ американских и европейских теоретиков глобализации, не нашедших адекватного отражения в отечественном научном дискурсе и позволяющих углубить методологическую базу осмысления глобализации. Проведенный анализ зарубежной и отечественной мысли позволил представить и систематизировать различные работы по глобализации именно с точки зрения использования и понимания в их рамках дихотомии «глобальное/локальное». Анализ показал значительное расхождение в понимании сути, структуры и логики современных глобализационных процессов – от отрицания глобализации до ее абсолютизации.

Обоснована специфика проявления дихотомии «глобальное/локальное» через современную пространственно-временную трансформацию. Проведенный анализ кардинальной трансформации двух базовых онтологических элементов – пространства и времени, выраженной в «сжимании» пространства и его практической нивелировке через сокращение времени интеракций, позволил нам определить современный мир как глобальный, не представляющий больше совокупность изолированных

локальных сообществ. В результате пространственно-временной компрессии произошло размежевание социального пространства взаимодействия и географического места локализации акторов. Социальная активность людей, локальных групп, сообществ больше не ограничивается конкретным локальным географическим пространством. Современный мир характеризуется состоянием глобальной взаимосвязанности и близости. В результате пространственно-временной компрессии, феномена взаимосвязанности и близости появились практики, оторванные от локального контекста, испытывающие на себе влияние процессов, происходящих в других локальностях, а также сами оказывающие влияние на отдаленные локальности – практики глобальные.

Предложены и систематизированы «механизмы детерриторизации», которые позволяют социальным практикам преодолевать границы «локального» и формируют глобальное социальное пространство взаимодействия. Преодолевать рамки локального контекста, открывать локальности и формировать взаимосвязанное глобальное пространство позволяют так называемые «механизмы детерриторизации и деконтекстуализации»: глобальные разнородные интенсивные разнонаправленные потоки товаров, людей, информации, имиджей, идей, установок; глобальные коммуникационные технологии, эти потоки проводящие и обеспечивающие; а также транснациональные правительственные и неправительственные институты, которые эти потоки инициируют, поддерживают и организуют. Благодаря сетевой структуре данных механизмов они «стягивают» современное мировое социальное пространство в единое целое, отрывая наши практики от привязки к конкретному локальному географическому пространству нашего существования.

Анализируя содержание глобальных потоков и влияние их характера на локальности, мы выяснили, что глобальные потоки посредством глобальных коммуникационных технологий и транснациональных корпораций

распространяют по всему миру унифицированный набор ценностей, информации, товаров, что может привести к гомогенизации и исчезновению локальных различий. Тенденции гомогенизации глобального пространства усиливаются также изоморфической схожестью институтов.

Теоретически все локальности имеют возможность быть представленными в глобальных потоках, но ряд субъективных факторов привел к доминирующему положению в глобальном пространстве лишь ограниченного числа локальностей. Такое доминирующее положение достигнуто через контроль или влияние этих локальностей на «механизмы детерриторизации».

Однако в дальнейшем мы доказали амбивалентность глобально-локальных отношений через диалектику глобализации локального и локализации глобального. «Глобальное» не может существовать без «локального». «Глобальное» проявляется только в конкретных локальных практиках и явлениях, приобретая значение в рамках специфических локальных условий и реальностей. Мы вступаем во взаимодействие с «глобальным» через некие «локальные посредники», наш «глобальный» опыт «локально» опосредован. Способ восприятия и трактовки глобальных процессов и явлений всегда будет в большей или меньшей степени обусловлен локальными условиями, в которых происходит это восприятие. В тоже время, «локальное» больше не существует вне рамок «глобального». Взаимозависимость мира настолько высока, что любое локальное событие и явление будет в той или иной степени глобально обусловлено и/или будет иметь глобальное последствие.

Выявлено, что локальности не являются пассивными участниками глобализационных процессов, они демонстрируют широкий спектр разнообразных реакций, характер которых обусловлен целым рядом различных факторов.

Продемонстрирована трансформация самого феномена «локального» и локальности в условиях глобализации. Трансформация вызвана эффектом

детерриторизации и связана с изменением традиционной связи культуры, социальных практик, опыта с конкретной территорией. Она привела к формированию локальностей без территорий, глобализация замещает реальные локальности «безместностью».

Данная работа не является исчерпывающим исследованием указанной проблематики, оно лишь закладывает основания для дальнейшего более глубокого анализа отдельных проблем глобально-локальных взаимоотношений и ставит целый ряд новых вопросов. Дальнейшего развития требуют изучение силы тенденций гомогенизации и гетерогенизации в условиях глобализации, а также выявление условий, способствующих или тормозящих их развитие. Большое значение для понимания сути происходящих глобализационных процессов также даст исследование соотношения «глобального» и «локального» в существующих и формирующихся глокальных феноменах. Действительно ли в условиях глокализации процессы глобализации и локализации имеют равное значение и силу, или, как предполагают некоторые исследователи, глокальные феномены лишь на 30% локальны, а глобальны на все 70%.

Завершить книгу хотелось бы словами американского исследователя Р. Уилсона о том что «наступили новые времена – глобально/локальные времена»¹. И этот факт требует повышенного внимания со стороны современного сообщества.

¹ Wilson R., Dissanayake W. Tracking the Global/Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 13

ЛИТЕРАТУРА

1. Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию. – М.: Новый век, 2002. – 413 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 286 с.
3. Андрианова Е. А., Тихонова С. В. Социальное пространство в контексте глобализации [Электронный ресурс]: Международная конференция «Гуманизм, глобализм и будущее России». – Спб.: Институт международного бизнеса и коммуникации, 2002. – Режим доступа: <http://www.ibci.ru/konferencia/page/statya01.htm>
4. Ашин Г. К., Волкова Г.И., Глаголев В.С. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем. Учебное пособие / Под редакцией И.Г. Тюлина. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет), 2004. – 304 с.
5. Бек У. Открыто взглянуть на мир // Deutschland. – 2003. - № 3. - С. 48-51
6. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельникова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
7. Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки [Электронный ресурс]: Отечественные записки. – электрон. журн. – 2002. - № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289>
8. Богатуров А. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. – М.: УРСС: КомКнига, 2005. – 430 с.
9. Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России [Электронный ресурс]: официальный сайт Академии Государственной службы при Президенте РФ. – Режим доступа: <http://www.rags.ru/akadem/arn2001/19-2002/19-2002-90.html>

10. Борзых С. В. Человек-потребитель в условиях глобализации: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Томский гос. архитектур. строит. ун-т. – Томск, 2005. – 20с.
11. Буланчев А. В. Диалектика глобально-всеобщего и национально-особенного в массово-коммуникационных процессах современной русской культуры: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Алтйский гос. ун-т. – Барнаул, 2004. – 18 с.
12. Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. /Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н. А. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207.
13. Бурдьё П. Социология политики. - М.: Социо-Логос, 1993. – 336 с.
14. Бусыгина И. Европейские и российские регионы: стратегии выживания в эпоху глобализации [Электронный ресурс]: проект «Глобализация и культура». – 2004. – Режим доступа: <http://www.globalculture.ru/news/news58.html>
15. Бусыгина И. Сжимаемая пространство до образа мест [Электронный ресурс]: Отечественные записки. – Электрон. журн. – 2002. – № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=321>
16. Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000. – 360 с.
17. Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире// Социологические исследования. – № 4. – 2005. – С. 25-32
18. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. – М.: Наука, 1990. – 239 с.
19. Галкин А.А. Глобализация и политические потрясения XXI века // Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 53-70
20. Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 64-74
21. Гартман Н. К основоположению онтологии. – Спб.: Наука, 2003. – 640 с.

22. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.
23. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.
24. Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. Мазур М. М., Чумаков А. Н. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
25. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии: Пер. с англ. / авт. предисл. С. В. Федулов. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
26. Зиновьев А. Глобальный человек. М.: ЭКСМО Алгоритм, 2003. – 443 с.
27. Зотов А. Ф. Современная западная философия. – М.: Высш. шк., 2001. – 784 с.
28. Иванов В. Н., Назаров М. М. Массовая коммуникация в условиях глобализации // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 20-29
29. Иванов Д. В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]: Сайт Факультета социологии СПбГУ. - Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. – Режим доступа: http://www.soc.spbpu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml
30. Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. - № 4. – С. 58-69
31. Кантор К. М. Глобализация? – Да! Но какая? // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 25-37
32. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1990. – С. 292-308
33. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1990. – С. 492-505

- 34.** Кастельс Э. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Б. и., 2000. – 608 с.
- 35.** Кафели И. Ф. Социальная природа глобализма // Человека в глобализирующемся мире / Под ред. Парцвания В.В. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С.88-147
- 36.** Книгин А. Н. Учение о категориях. – Томск: Изд-во Том. Ун-та., 2002. – 292 с.
- 37.** Колодий Н.А. Культурная глобализация и ее влияние на характер современных массовых коммуникаций // Специфика коммуникативного пространства в изменяющейся России: Тр. I межрегион. науч.-практич. конф. – Томск: Дельта-план, 2005. – С. 4-9
- 38.** Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 672 с.
- 39.** Крупницкий С. В. Первичное социальное пространство: время и протяженность [Электронный ресурс]: Сайт Северо-Кавказского государственного технического университета. – Режим доступа: www.science.ncstu.ru/nii/cycles/sc/2002/65.pdf/file_download
- 40.** Крысенко А. В. Глобализация: парадигма конструирования информационного общества // Специфика коммуникативного пространства в изменяющейся России: Тр. I межрегион. Науч.-практич.конф. – Томск: Дельта-план, 2005. – С.9-12
- 41.** Кустова Л. С. Глобализация и национальная самобытность. Концепция Н.С. Трубецкого // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 5б. – С. 118-121
- 42.** Кутырев В. А. Культурологический смысл глобализма [Электронный ресурс]: Философский портал. Библиотека сайта Российского философского общества. – 2006. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html>

43. Левашов В. К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 19-28
44. Левашов В. К. Общество и глобализация // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 14-32
45. Лукин А. В. Мир глобализирующийся и взаимозависимый // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 178-181
46. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Перевод И.О. Тюриной. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
47. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
48. Маклюэн М. С появлением спутника...[Электронный ресурс]: Проект «Исследования средств коммуникации». Сайт МГИМО. – М. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/kf/MEDIA/art017.htm>
49. Маклюэн М. Средство есть само содержание [Электронный ресурс]: Нижегородский университетский центр Интернет. – Нижний Новгород. – Режим доступа: <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/lib/maclu.ru.html>
50. Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант [Электронный ресурс]: Проект «Исследования средств коммуникации». Сайт МГИМО. – М. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/kf/MEDIA/art016.htm>
51. Малинкин А. Н. Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 114-123
52. Мальковская И. А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социологические исследования. – 2005. – № 12 – С. 3-13
53. Мантатов В. В. От глобализации к глобальной цивилизации // Вестник РФО. – 2002. – № 4. – С. 102-106

- 54.** Марков Б. В. Проблема человека в эпоху масс-медиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. Парцвания В.В. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 62-84
- 55.** Марков Б. В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. – СПб.: «Петрополис», 2001. – С. 100-122
- 56.** Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 6
- 57.** Массовая культура /К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. – М.: Альфа, 2004. – 301 с.
- 58.** Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – с.27-43
- 59.** Млинар З., Штебе Я. Мобильность и идентификация в условиях открытости мира: теоретическая интерпретация и опыт Словении // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 33-42
- 60.** Мнакацян М. О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 137-142
- 61.** Многоликая глобализация / Под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона; Пер с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
- 62.** Моисеев Н. Расставание с пустотой. – М.: Аграф, 1998. – 472 с.
- 63.** Моисеева Н. А. Глобализация и «Русский вопрос» // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 13-21
- 64.** Морфология культуры. Структура и динамика / Сост. Г. А. Аванесова, В. Г. Бабаков, Э. В. Быкова. – М.: Наука, 1994. – 415 с.

65. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. – М.: Наука, 2002. – 322 с.
66. Новейший философский словарь: 2-е издание перераб. и допол. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1280 с.
67. Оболенский В. П. Глобализация мировой экономики: Проблемы и риски российского предпринимательства. – М.: Наука, 2001. – 215 с.
68. Оглезнев В. В. Форма правления в условиях глобализации: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Томский гос. ун-т. – Томск, 2007. – 27с.
69. Открыто взглянуть на мир // Deutschland. 2003. – № 3. – с 48-51
70. Павлов Ю. М., Смирнов А.И. Социальное пространство мира на рубеже третьего тысячелетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 82–93.
71. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000. – 352 с.
72. Печчеи А. Человеческие качества: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
73. Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 3-10
74. Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. редактор А.А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Книжный Дом Интерпрессервис, 2001. – 1037 с.
75. Потемкин В. К., Симанов А. Л. Пространство в структуре мира. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1990. – 176 с.
76. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи/ О. В. Братимов, Ю. М. Горский, М. Г. Делягин, А. А Коваленко. – М.: Инфра-М, 2000. – 344 с.

77. Пырин А. Г. Метфизика глобализации. Отчет о семинаре «Философско-методологические исследования процессов глобализации» // Вестник РФО. – 2005. – № 4. – С. 155-157
78. Савельев Н. Н. Река времени: История глобализации мирового развития. – Краснодар: Пересвет, 2002. – 264 с.
79. Савруцкая Е. П. Феномен коммуникации в современном мире // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 75-85.
80. Семененко И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5-23
81. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
82. Согомонов А. Глокальность. Очерк социологии пространственного воображения [Электронный ресурс]: проект «Глобализация и культура». – 2004. – Режим доступа: <http://www.globalculture.ru/news/news72.html>
83. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М.: Академический Проспект, 2003. – 560 с.
84. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / А. Г. Гранберг, В. И. Данилов-Данильян, М. М. Циканов и др. – М.: Экономика, 2002. – 413 с.
85. Таскина Е. А. Феномен глобализации в рамках принципа минимального универсума [Электронный ресурс]: Сайт ТГУ. – Томск. – Режим доступа: <http://lpur.tsu.ru/Seminar/a0102/051.htm>
86. Терин В. П. Массовая коммуникация. Социо-культурные аспекты политического воздействия: Исследование опыта Запада. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999
87. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.

88. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 261 с.
89. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
90. Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. – М.: Логос, 2002. – 192 с.
91. Удовик С.А. Глобализация: семиотические подходы. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. – 408 с.
92. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002. – 254 с.
93. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 512 с.
94. Федотов А. П. Глобалистика: Начала науки о современном мире. Курс лекций – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 224 с.
95. Федотова Н.Н. Идентичность и мультикультурализм [Электронный ресурс]: Проект «Глобализация и культура». – Режим доступа: <http://www.globalculture.ru/news/news53.html>
96. Форрестер Д. Мировая динамика: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Спб.: Terra Fantastica, 2003. – 379 с.
97. Фукуяма Ф. Великий разрыв: Пер. с англ. под общ. Ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.
98. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2005. – 588 с.
99. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 416 с.
100. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
101. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Ad Marginem , 1997. – 451 с.

- 102.** Цивилизация, культура, личность / Под ред. В. Ж. Келле. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 224 с.
- 103.** Чернавский М. Ю. Модернизация и глобализация [Электронный ресурс]: Консерватизм в России: прошлое и настоящее: Политология. – <http://conservatism.narod.ru/politol.html>
- 104.** Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2002. – 208 с.
- 105.** Чешков М. А. Глобалистика как научное знание: очерки теории и категориального аппарата. – М., 2005. – 220 с.
- 106.** Чумаков А. Н. Глобализация. Контурь целостного мира: монография. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
- 107.** Шишков Ю. Два лица глобализации [Электронный ресурс]: Он-лайн версия научно-популярного журнала «Наука и жизнь». – Режим доступа: <http://nauka.relis.ru/02/0012/02012048.htm>
- 108.** Юзвизин И. И. Информациология. – М.: Радио и связь, 1996
- 109.** Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2001. – 346 с.
- 110.** A dictionary of Sociology [Электронный ресурс]: Oxford reference online. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – Режим доступа: www.oxfordreference.com
- 111.** Adam B. Time // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications, 2005. – P. 119-138
- 112.** Albrow M. Traveling beyond local cultures // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: lackwell, 2000. – P.133-140
- 113.** Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 230 p.
- 114.** Barber B. Jihad vs. McWorld // Atlantic Monthly; March 1992. –Vol. 269 Issue 3. – P. 53-62

- 115.** Barber B. Jihad vs. McWorld. – N.Y.: Ballantine Books, 1996. – 389 p.
- 116.** Berger P. Four Faces of Global Culture // National Interest, 1997. – Vol.49. – P. 23-29
- 117.** Beyer P. Globalizing Systems, Global Cultural Models and religion(s) // International Sociology. March 1998. – Vol. 13 (1). – P. 79-94
- 118.** Bili J., Thomas G. World culture in the world polity: a century of international non-governmental organization // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 258-264
- 119.** Boli J., Lechner J. Globalization and World Culture// International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. – Elsevier Science Ltd., 2001. – P. 6261-6266
- 120.** Chalaby J.K. American cultural primacy in a new media order // The international communication gazette. Vol. 68 (1), 2006. - P. 33-51
- 121.** Cross-cultural consumption. Global markets, local realities / edited by David Howes. – NY, 1996. – 214 p.
- 122.** Dirlik A. The Global in the Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 21-45
- 123.** Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 46-77
- 124.** Friedman J. Global System, Globalization and Parameters of Modernity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. - London: Sage, 1995. – P. 69-90
- 125.** Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000
- 126.** Giddens A. The consequences of modernity. - Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.

- 127.** Gillespie N. Really creative destruction: economist Tyler Cowen argues for the cultural benefits of globalization [Электронный ресурс]: Reason Magazine. Online version. - August, 2003. – Режим доступа: <http://reason.com/news/show/28863.html>
- 128.** Giulianotti R., Robertson R. Glocalization, Globalization and Migration // International Sociology. March 2006. – Vol. 21(2). – P. 171-198
- 129.** Global transformations / Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 515 p.
- 130.** Globalization and Culture // Cato Policy Report. May/June 2003. - P. 8-16
- 131.** Gray J. Endgames: Questions in late modern political thought. – Cambridge: Polity Press, 1997. – 212 p.
- 132.** Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. – London and New York: Routledge, 1996. – 201 p.
- 133.** Harvey D. The conditions of postmodernity. – Cambridge, MA: Blackwell, 1990. – 378 p.
- 134.** Held D., McGrew A., Goldblatt D, Perraton J. Global Transformations. Cambridge: Polity, 1999. – 515 p.
- 135.** Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – 258 p.
- 136.** Khondker H. H. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept [Электронный ресурс]: Bangladesh e-Journal of Sociology, Vol. 1. No 2. July, 2004. – Режим доступа: <http://www.bangladeshsociology.org>
- 137.** King A. The times and spaces of modernity (or who needs postmodernism?) // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 108-123
- 138.** Kraidy M. Hybridity in cultural globalization // Communication Theory. August 2002. – P. 316-339
- 139.** Latouche S. The westernization of the world. The significance, scope and limits of the drive towards global uniformity. – Cambridge: Polity Press, 1996. –

140 p.

140. Lechner F. Global fundamentalism // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.:Blackwell, 2000. – P. 326-329

141. Legrain P. Cultural Globalization is not Americanization [Электронный ресурс]: The Chronicle of higher education. – 2003.Vol. 49, Issue 35. – Режим доступа: <http://chronicle.com/weekly/v49/i35/35b00701.htm>

142. Luke T. New Worlds Order or Neo-world Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glocalities // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 91-107

143. Meyrowitz J. No sense of place: The impact of electronic media on social behavior. N.Y.: Oxford University Press, 2005. – 416 p.

144. Murphy P., Kraidy M. International communication, ethnography, and the challenge of globalization // Communication theory. – August 2003. – P. 304-323

145. Olma S. Social Time // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications, 2005. – P. 127-129

146. Parameswara P. Local culture in global media // Communication theory. – August 2002. – P. 287-315

147. Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 45-68

148. Ritzer G. The McDonaldization of society. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2004. – 309 p.

149. Robertson R. Globalization as a problem // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Blackwell Publishing. – P. 93-99

150. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity - Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 25-44

151. Robertson R., Khondker H. H. Discourses of Globalization // International Sociology. March 1998. Vol. 13 (1). – P. 25-40

- 152.** Rodrik D. Has globalization gone too far? // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 226-230
- 153.** Rowe J. Culture, US imperialism and globalization // American literary history. – Oxford, 2000. – № 4. – P. 575-595
- 154.** Schafer W. Global civilization and local cultures // International Sociology. September 2001. Vol. 16 (3). – P. 301-319
- 155.** Schuerkens U. Social Transformations Between Global Forces and Local Life-Worlds // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 1-13
- 156.** Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Global Forces and Local Life-Worlds. – London: Sage publications ltd, 2004. – P. 14-26
- 157.** Sen A. How to judge globalism // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 16-21
- 158.** Seneghaas D. Modernity and Anti-Modernity facing cultural globalization / English version of chapter 10 of: Dieter Senghaas. Zum Irdischen Frieden Erkenntnisse und Vermutungen. – Frankfurt a M., 2004
- 159.** Sklair Leslie. Sociology of the global system. – New York: Harvester Wheatsheaf, 1991. – 269 p.
- 160.** Stiglitz J. Globalism's discontents // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 200-208
- 161.** The Blackwell Dictionary of sociology [Электронный ресурс]: Netlibrary. – 2006. - Режим доступа: www.netlibrary.com
- 162.** Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. June 2000. Vol. 15 (2). – P. 151-179
- 163.** Thrift N. Space // Theory, Culture and Society. – London: Sage publications. – P. 139-155

- 164.** Tibi B. The challenge of fundamentalism // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – P. 336-339
- 165.** Tomlinson J. Cultural Imperialism // The globalization reader. Ed. By F. Lechner and J. Boli. – Malden, Mass.: Blackwell, 2000. - P. 303-311
- 166.** Tomlinson J. Globalization and Cultural Identity [Электронный ресурс]: The Global Transformations Website – 2003. – Режим доступа: <http://www.polity.co.uk/global/pdf/GTReader2eTomlinson.pdf>
- 167.** Tomlinson J. Globalization and Culture. - Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p.
- 168.** Urry J. The complexities of the global // Theory, Culture and Society. - London: Sage publications, 2005. – P. 235 - 254
- 169.** Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. June 2000. Vol. 15(2). – P. 249-265
- 170.** Waters M. Globalization. - London and New York: Routledge, 1995. - 185 p.
- 171.** Wieviorka M. The Making of Differences // International Sociology. September 2004. Vol. 19 (3). – P. 281-297
- 172.** Wiley F., Smith P. Individual and societal bases of national edentity. A comparative multi-level analysis // European sociological review. – 2001. – Vol. 17 No 2. – P. 103-118
- 173.** Wilson R., Dissanayake W. Tracking the Global/Local // Global/local: cultural production and the transnational imaginary. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 1-20